

Генри Клиффорд

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЕДИ ДЖЕЙН ДОРМЕР, ГЕРЦОГИНИ ФЕРИЯ*

Глава VIII

Путешествие герцогини в Испанию. Ее замужняя жизнь. Рождение сына и смерть мужа

По завершении празднования крестин герцогиня осталась в Мехельне до начала марта, чтобы восстановить силы. Тогда с ней рассталась ее бабушка, собравшаяся поселиться в Лувене, как уже было сказано¹. Герцог взял у итальянского купца в Антверпене пятьдесят тысяч дукатов, которые он занял на оплату дорожных расходов по пути в Испанию для себя, герцогини и ребенка, которому тогда было шесть месяцев². Герцогиня сначала отправилась в Брюссель, где ее принимали с особыми знаками благоволения, как и везде, куда она приезжала. Там она оставалась до 1 апреля 1560 г., и в этот день (понедельник перед Вербным Воскре-

* Перевод подготовлен по изданию: Clifford H. Life of Jane Dormer, Duchess of Feria / ed. by J. Stevenson, S.J. L., 1887.

1 О леди Джейн Ньюдигейт см. примеч.16, а также главу III первой части публикации (См. Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. 2019. С. 292-304).

2 Лоренсо Суарес де Фигероа и Дормер, герцог Ферия (1559–1607), испанский посол в Риме (1591–1592), вице-король Каталонии (1596–1602) и Сицилии (1603–1607).

сеньем)³ она, ее муж и маркиз, ее младенец-сын, начали путешествие в Испанию в сопровождении многих благородных дворян и их слуг, среди которых был сэр Уильям Шелли из Ордена Св. Иоанна, Великий Приор Англии⁴. Для большего удобства они запаслись всем в двойном количестве, т.е., точно такую же мебель, которой пользовались сегодня, заранее привозили туда, где они останавливались на следующий день, так что у их слуг все было уже все готово.

Когда они прибыли к французской границе, принять их приехали многие благородные люди, а король и королева⁵ послали господина д'Уассона⁶ приветствовать их в пределах Франции и сопроводить их ко двору. И в каждом городе, в котором они останавливались, герцогу преподносили ключи, как господину на ту ночь⁷. Прибыв в Сен-Дени на Страстной неделе⁸, они оставались там до кануна Пасхи⁹. В тот день, после по-

3 Понедельник шестой недели Великого Поста. В католической традиции с него начинается Страстной период (Passiontide).

4 Неточность Клиффорда: последнего великого приора английской нации Ордена рыцарей Св. Иоанна (ионаттитов, мальтийских рыцарей) звали сэр Ричард Шелли (см. примеч. 248 к первой части публикации). Из семьи Шелли вышло немало рыцарей-иоаннитов (в том числе младший брат Ричарда, сэр Джеймс Шелли). Сэр Уильям Шелли (1480?–1549) — судья Суда Общих тяжб, был отцом Ричарда и Джеймса; видимо, отсюда и путаница в тексте.

5 Франциск II Валуа (1544–1560) — король Франции в 1559–1560 г. Его супруга — Мария Стюарт. См. примеч. 266 к первой части публикации.

6 Возможно, монсеньер де Суассон, т.е. епископ Суассонский Шарль де Руси (ум. 1585).

7 Торжественный въезд правителя в город, которому предшествовала встреча перед городскими воротами, в ходе которой представители городской общины вручали правителю ключи от города как символ признания его власти. Упоминание этой церемонии в контексте визита иностранного аристократа необычно; чаще такие почести оказывали представителям королевских семей. Вероятно, Клиффорд стремился таким способом подчеркнуть высокий статус семьи Ферия.

8 После 8 апреля 1560 г.

лудня, они въехали в Париж и были размещены в доме герцога Гиза, дяди королевы¹⁰; там они оставались на Пасхальной неделе¹¹ и принимали посетителей. После этого они отправились в Амбуаз¹², где находились правящие король и королева, и королева-мать¹³. Королем тогда был Франциск II, сын Генриха II¹⁴, а его супругой — королева Мария Шотландская, мать короля Якова, нынешнего правителя Великобритании¹⁵.

Когда супруги прибыли ко двору, приветствовать их отравили принцев¹⁶, и королева приказала привести герцоги-

-
- 9 Т.е., до Великой Субботы, 13 апреля 1560 г. Пасха приходилась на 14 апреля.
- 10 Франсуа Лотарингский, герцог де Гиз (1519–1563), член Королевского совета и вместе с братом, кардиналом Лотарингским, самый влиятельный человек при дворе Франциска II и Марии Стюарт. Мать Марии Стюарт, Маргарита де Гиз, регент Шотландии в годы несовершеннолетия дочери, приходилась сестрой герцогу. Особняк Гизов находился на месте современного Отеля Субиз (в котором размещается Музей истории Франции). Раньше на этом месте находился особняк коннетабля Оливье де Клиссона (конец XIV в.). Герцог Гиз приобрел его в 1553 г. и реконструировал; семья Гиз владела им до 1688 г., когда он был продан Субизу и вновь перестроен. От построек времен Гизов сохранились часовня и караульня).
- 11 15–21 апреля 1561 г.
- 12 Амбуазский замок, одна из любимых резиденций королей из династии Валуа, был построен на рубеже XV–XVI вв. для Карла VIII и впоследствии расширился и переделывался. В нем вырос Франциск I, а позднее жил «малый двор» дофина (будущего Генриха II) и его семья. В феврале 1560 г. герцог Гиз, опасаясь заговорщиков-гугенотов, отправил в замок короля его супругу, свою племянницу Марию
- 13 Екатерина Медичи (1519–1589), дочь Лоренцо Медичи, герцога Урбинского и Маргариты де ла Тур д’Овернь, вдова короля Франции Генриха II, мать Франциска II, а также будущих королей Карла IX и Генриха III.
- 14 См. примеч. 194 к первой части публикации.
- 15 Яков VI (I) (1566–1625), король Шотландии (1566–1625) и Англии (1603–1625), единственный сын Марии Стюарт от ее второго брака с Генри Дарнли (1545–1566). В первые годы правления Яков I стремился к унии (объединению) подвластных ему королевств в одно — Великобританию; отсюда и отсылка в тексте Клиффорда.
- 16 Не вполне ясно, о ком именно идет речь — о братьях короля, или же о принцах крови.

ню во дворец, распорядившись подготовить для нее покои. Как только герцогиня оказалась во дворце, правящая королева тут же нанесла ей визит. Увидев красоту герцогини, изысканность ее манер и благородство ее персоны — это слова самой королевы, о чем я слышал от ее секретаря¹⁷ и дамы, его сестры¹⁸, одной из двух, кому было разрешено оставаться при ней перед смертью¹⁹; оба они несколько раз слышали эти слова от королевы — Мария была ею очарована и выказала ей свою приязнь; например, нося траур после смерти своего свекра-короля, она в тот день сняла его и облачилась в белое. Она также попросила герцогиню одеться на французский манер, и та, чтобы доставить удовольствие королеве, согласилась. Королева приказала одеть ее в своем присутствии, и сама приложила к этому руку, с удовольствием поправляя то, что сделали дамы. И с того времени королева стала выказывать ей большую и нежную любовь, и сохранила ее до смерти, многократно заверив в этом герцогиню.

В тот день ее пригласили к столу королевы, приказавшей своим гвардейцам из шотландских дворян²⁰ прислуживать герцогине, и оказавшей королевские почести, какие она оказала бы иностранной принцессе, состоявшей с ней в родстве. Королева Мария отвела ее к королеве-матери, которая хорошо приняла герцогиню и обещала нанести визит. При ее отъезде королева послала дворян сопровождать ее до испанской границы и настоятельно просила ее писать ей с оказией

17 Гилберт Кёрл (ум. 1609), секретарь Марии Стюарт в 1579–1586 гг.

18 Элизабет Кёрл.

19 Элизабет Кёрл и Джин Кеннеди; обе они оставались с Марией Стюарт до конца и сопровождали свою госпожу до эшафота.

20 Шотландская гвардия известна при французском дворе с начала XV в. по 1830 г., хотя уже в XVI столетии большую ее часть составляли французские дворяне. Здесь, видимо, шла речь о шотландцах из свиты Марии Стюарт.

и не забывать отвечать ей, а также и побуждать ее саму писать ответные письма. Эта переписка продолжалась, пока обе дамы были живы, и королева все свои письма подписывала как «Ваша добрая подруга, старая знакомая и дорогая кузина, королева Мария». Я видел несколько из этих писем, а четыре или пять из них сейчас при мне, все они написаны королевой собственноручно, исполнены приязни и уважения. Это уважение было особенно заметно, когда в 1571 г. умер герцог Ферия, а королева в это время пребывала под стражей в Англии²¹. Мария желала, чтобы герцогиня прибыла во Фландрию и написала Его Католическому Величеству, умоляя его дать свое разрешение, ибо если бы герцогиня жила во Фландрии, это послужило бы делу церкви Господней и самой королеве, а герцогиня укрепила бы здоровье, так как тамошний климат больше подходил ее природному сложению, нежели испанский. Королева же испытала бы большое утешение, если бы та была ближе к ней, и в ее нынешних бедствиях это послужило бы ей утехой и пошло бы ей на пользу. С той же целью Ее Величество также написала и Его Святейшеству²², приказав его нунцию добиваться этого решения со всей серьезностью, так как оно было важно для него и для нее, и вести дела с министрами Его Католического Величества таким образом, чтобы путешествие герцогини во Фландрию состоялось. Королева Шотландская очень хотела, чтобы это произошло, как сообщил писавший эти письма секретарь, добрый христианин и благоразумный человек,

21 Бежавшая в Англию в 1567 г. после своего свержения с шотландского престола Мария была там задержана и обвинена в убийстве мужа (английского подданного по рождению). С 1567 по 1587 гг. находилась под домашним арестом в Англии. В 1571 г. Мария Стюарт жила в одной из резиденций своего тюремщика, графа Шрусбери, возможно, в Чатсуорте.

22 Пий V (Микеле Гисльери; 1504–1572), папа Римский в 1566–1572 гг.

живший и умерший добродетельным и благочестивым католиком²³. Я сам могу это засвидетельствовать, так как был близко знаком с ним на протяжении почти шести лет, и находился рядом с ним во время его последней болезни и смерти. Незадолго до нее он, призвав отца Кресуэлла²⁴, дворян и людей любого звания, англичан и шотландцев, поклялся своей надеждой на спасение, что всегда был верен своей госпоже королеве, живой и мертвой, вопреки всяким измышлениям и клевете, появившимся в печати; авторы этих пасквилей были слишком легковверными. Он произнес это (чему я сам свидетель) уверенно, объявляя о своей невиновности с последним вздохом, как если бы отвечал Вечному Судии. Я чувствую себя обязанным написать это, потому что он просил всех помощников записать его признание на смертном одре. Королева часто говорила о герцогине, выказывая своими словами большую привязанность, восхваляя ее добродетель и достоинство. Однако желаемое ею путешествие не могло состояться по причине малолетства сына герцогини²⁵.

Вернемся же к путешествию герцогини. Они прибыли в Испанию в добром здравии и примерно в конце июня приехали в Сеговию, так как король²⁶ и королева²⁷ тогда находились в своем охотничьем домике в близлежащих лесах²⁸. Од-

23 Речь идет, видимо, о Гилберте Кёрле, скончавшемся в Антверпене в 1609 г. См. примеч. 17 выше.

24 Джозеф Кресуэлл (1557–1623), английский иезуит, полемист и глава английских иезуитов в Испании.

25 В 1571 г. Лоренсо, сыну герцогини Ферия, было 12 лет.

26 Филипп II. См. примеч. 3 к первой части публикации.

27 Елизавета Валуа (1545–1568), дочь Генриха II Французского и Екатерины Медичи, третья жена Филиппа II Испанского с 1559 г.

28 Охотничий домик в Ла-Гранха де Сан-Ильдефонсо, с XVIII в. королевский дворец.

нако двор пребывал в Толедо, и герцог и герцогиня направились туда для встречи с их величествами. В этот город герцогиня торжественно въехала 9 августа 1560 г., в канун дня Св. Лаврентия²⁹, с таким благородным блеском и необычной пышностью, что все жители города высыпали из домов, что увидеть ее. Король и герцог, ее супруг, вместе стояли у окна, наблюдая, как герцогиня следовала в процессии верхом, сбруя ее лошади была из алого бархата, украшенного золотыми заклепками и бахромой, а за ней вели другую лошадь в богатом убранстве. Ее шесть дам также ехали верхом, бархатная сбруя их лошадей была также богато украшена. При герцогине были двенадцать пажей в дорогих ливреях, а сопровождали ее почти все придворные кавалеры. Но ее особа затмевала всех. Сам король пришел к ней, еще до того, как она нанесла визит королеве, чтобы приветствовать ее при испанском дворе.

На следующий день она отправилась поцеловать руки королеве, которая была старшей дочерью Франции, и смогла сообщить той известия о королеве-матери, ее брате-короле, его супруге-королеве, братьях и сестрах³⁰, при дворе которых ее принимали с таким почетом. Королева выказала ей свою благосклонность, восхищаясь ее красотой и завидуя ее нации; она также подарила ей драгоценность в знак привет-

29 Празднуется 10 августа.

30 Следующая по старшинству после Изабеллы Клод Валуа (1547–1575) в 1559 г. вышла замуж за герцога Лотарингского и не встречала герцогиню Ферия в Амбуазе. Таким образом, здесь упоминаются младшие дети Генриха II и Екатерины Медичи: Шарль Максимилиен [Карл IX] (1550–1574), Александр Эдуард [Генрих III] (1551–1589), Маргарита (1553–1615) [королева Наваррская] и Франсуа (1555–1584) [герцог Анжуйский и Алансонский].

ствия. Король Португалии³¹ отправил к ней людей, чтобы те доставили ей от него приветствие и с ним в подарок великолепную драгоценность, которую я сам видел; ювелир оценил ее в 8000 дукатов. Уважение герцога, ее супруга, сообщения о ее добродетели и красоте, пробудили любовь и уважение к ней у всего двора, благодаря всем церемониям, устроенным таким достойным и необычным образом, что память о них по-прежнему превозносится, особенно среди родных, союзников и вассалов дома Ферия и Кордоба³².

Отдохнув при дворе, герцогиня отправилась в Сафру³³, дом герцога в его поместье в Эстремадуре, где ее приветствовали дворяне-соседи и арендаторы с такими почестями, пышнее и роскошнее которых нельзя было и придумать. И здесь она начала привыкать к замужней жизни. Хотя из-за жары в той стране, столь отличной от той, где она родилась и была воспитана, ее здоровье было слабым и сил не хватало ни на что, кроме молитв и заботы о здоровье, однако теперь, зажив своим домом, она напоминала бабушку, и следовала ее примеру, стремясь соединить в себе добродетели хорошей и доброй жены. Ее муж нашел в ней сокровище на все случаи жизни. Во все времена и при всех обстоятельствах она стремилась ублажить его и осчастливить. Герцогиня была ему нежной и приятной спутницей в радости, утешительницей в

31 Королю Португалии [в 1557–1578 гг.] Себастиану I (1554–1578) было всего шесть лет. Подарок был, видимо, доставлен по приказу его бабушки, регента Португалии, вдовствующей королевы Екатерина Австрийской (1507–1578).

32 Предками герцога по отцовской линии были представители семьи Суарес де Фигероа, графы Ферия, а по материнской — Фернандес де Кордоба, маркизы де Агилар.

33 Город Сафра в Эстремадуре близ Бадахоса был центром владений рода Ферия, пожалованных в 1394 г. королем Энрике III Кастильским Гомесу Суаресу де Фигероа, сыну магистра Ордена Сантьяго.

невзгодах, верной и способной советчицей в сомнениях, убежищем в горе. Все, кто помнил супругов, знали, как герцог чтит ее и как сильно ее любит; что же касается качеств, которые он видел в герцогине, то о них мне свидетельствовали те, что служил им (и не в низких должностях).

Более полным свидетельством чувств, однако, является завещание герцога, где он прямо упоминает ее прекрасные качества жены, сделав ее единственной наставницей их сына и управляющей его владениями до того времени, когда он сам по закону становился способным это делать, а именно, в возрасте двадцати пяти лет; когда его отец умер, мальчику не было и двенадцати. Ибо помимо прочих похвальных слов в ее адрес, герцог написал вот эти: «Я не прошу герцогиню ни о чем в отдельности, так как знаю, что она распорядится всем, относящимся к воспитанию своего сына и управлению его землями, имуществом и домами, лучше, чем мне даже придет в голову попросить». Сына же он, со своим благословением и под страхом проклятия, обязал любить ее и повиноваться ей, указав, что обязательства, какие он перед ней имеет, превышают обязательства по отношению к матери. Она была почтительной, любящей и заботливой женой своему мужу, а своему сыну — разумной матерью, хорошей наставницей и благоразумной учительницей. Ее забота дала ему те основы мудрости, добродетели и совершенства, которыми он блистал в свете, как было сказано в надгробной проповеди, произнесенной на его похоронах в Сафре. Ее разумное воспитание взрастило в сыне понимание того, как управлять собой и другими; ибо когда по смерти его отца король пожаловал ему в энкомьенду Сегуру де ла Сьерра³⁴,

34 Сегура да ла Сьерра (провинция Хаэн) — один из шести конвентов Ордена Сантьяго. По традиции передавалась в пожалование (энкомьенду) наследнику рода Ферия.

одну из богатейших в Испании, которую его отец держал до него, приняв облачение Св. Иакова, мать побудила его отправиться в монастырь в Иакова в Уклесе³⁵, согласно обычаю ордена, и не добивалась для него диспенсации, как обычно делают знатные люди, сочтя, что юноша должен пройти послушание, что он и делал на протяжении нескольких месяцев, прислуживая во время мессы и выполняя другие обязанности, чтобы лучше понять свой долг служения Богу; лишь иногда ему позволяли развлечения, подобающие знатному дворянину. Такое воспитание принесло ему славу и заслуженную известность в свете.

В своей семье она помогала нуждающимся, нанимала слуг мужского и женского пола по их способностям, презирая лень и будучи сама редким примером трудолюбия, благочестия и достойного подражания управления.

Через пять лет после свадьбы у нее родился еще один сын, которого в крещении назвали дон Педро³⁶ в честь прапрадеда со стороны бабушки³⁷. Но это дитя не достигло еще и трех месяцев, когда Господу пожелал его забрать.

Чтобы рассказать обо всех деяниях христианского рвения, совершенных герцогиней, когда она была замужем, потребовался бы длинный трактат, я же в качестве доказательства удовольствуюсь теми, что опубликовал известный автор.

Брат Хуан Батиста Молес³⁸, францисканец–реколет, писал следующее в своем сообщении о провинции Эстремаду-

35 Уклес (Кастилия — Ла-Манча) — штаб-квартира Ордена Сантьяго.

36 Педро Суарес де Фигероа и Дормер (р. и ум. 1565).

37 Речь идет о прадеде мальчика: Педро Фернандес де Кордоба и Пачеко (1470–1517), сеньоре де Агилар.

38 Хуан Баутиста Молес, монах-францисканец, автор исторических сочинений, в том числе: *Memorial de la Provincia de San Gabriel, de la Orden de los frayles Menores de Obseruancia*. Madrid, 1592

ра: «Упомянутые герцоги Ферия всегда были покровителями этого монастыря³⁹. Они поддерживают его в порядке и щедрой рукой снабжают его всем необходимым, считая монастырь своим убежищем, где у них есть свои покои (которые я видел). Когда они бывают в Сафре, то обычно удаляются туда [в свои монастырские покои] на время Великого Поста, на Страстной неделе и по другим большим праздникам. Особое благочестие выказывали великий герцог, дон Гомес, первый герцог Ферия, и его христианнейшая супруга, госпожа Джейн Дормер, большая почитательница нашего ордена. Они, пребывая в монастыре, не только щедро снабжали монахов пропитанием, но в Св. Четверг и по другим праздничным дням собственноручно прислуживали им, подавая им еду в рефектории с таким смирением и любовью, как будто бы служили апостолам Иисуса Христа. Потом они сами ели вместе со светскими братьями и обращались с ними просто и почтительно, к большому воодушевлению монахов, подавая прекрасный пример другим знатным особам. Среди монахов по сей день живет и будет жить вечно память о столь добродетельном и благочестивом господине; они возносят ко Господу хвалу его душе и молятся за жизнь его супруги, а теперь вдовы, герцогини, подающий прекрасный пример и вызывающей хвалу своим благочестивым поведением; она же продолжает вести святую жизнь. Господь посетил ее, отняв столь достойного мужа, когда она была вдали от своей страны и нации, она осталась в одиночестве, происходя из благородного и знатного английского рода, и по-прежнему помнит о монастыре де ла Лапа⁴⁰, обеспечивает его и всех, жи-

39 Францисканский конвент Сан-Бенито, основанный предками герцога в Сафре в 1480 г.

40 Францисканский конвент Сан-Онофре (основан в 1447 г.) в Ла Лапе (провинция Бадахос).

вущих в поместьях ее сына помощью, милостыней и трудами христианской любви, как дама, посвятившая себя это святой провинции и ее монахам и монахиням».

Так пишет упомянутый брат Хуан Батиста Молес в своем сообщении. В другой главе ниже он говорит, что герцог и герцогиня основали и построили монастырь Девы Марии де Монте-Вирхине в полулиге от города Вильальбы⁴¹. А после смерти герцога его вдова, госпожа Джейн Дормер возвела красивую церковь в знак привязанности, которую имела к этому монастырю⁴².

В таких и подобных им деяниях христианской любви провела герцогиня годы замужества, прославившись мудростью, осмотрительностью и сдержанностью во всех ситуациях, а также благочестием и религиозным рвением, постоянством в добрых делах, невозмутимостью в бедствиях, храбростью в невзгодах, умеренностью в роскоши и показав себя во всем достойной дочерью своих родителей и женой такого мужа.

Глава IX. О болезни и смерти ее мужа, герцога Ферии

Чтобы дать новое доказательство добродетели герцогини и испытать ее постоянство и терпение, Господу было угодно отнять смысл ее замужней жизни, лишив ее того, что она любила больше всего на земле, и послал герцогу такую сильную и жестокую лихорадку, что тот через двадцать дней расстался с жизнью. Это произошло в праздник Рождества Богородицы, рано утром, в Эскориале, где король тогда строил свой роскошный и величественный монастырь Св.

41 Конвент кларисс Девы Марии де Монтевирхен в Вильальбе де Лос Баррос был основан в 1568 г.

42 Строительство новой церкви конвента началось в 1585 г.

Лаврентия⁴³, 8 сентября 1571 г. Герцог прожил в браке двенадцать лет, восемь месяцев и десять дней.

Какие сильные горе и боль это несчастье принесло герцогине, которая столь почитала и любила мужа, можно вывести из того, кем были он и она — молодая иностранка, далеко от своей земли и друзей, оставшаяся совсем одна и отечавшая за герцогские владения своего единственного сына, которому тогда не исполнилось и двенадцати лет.

Здесь можно было бы сказать больше о ее внимании и заботе, проявленных к мужу во время его болезни, о любви и нежности, с какими она прислуживала ему, о ее великой готовности порадовать его, помочь ему, найти лучших врачей и лекарства, способные его исцелить, о постоянных трудах, в которых она пребывала день и ночь, чтобы оказать необходимую помощь и всегда удовлетворять его желания. Но человеческие старания мало значат, будь то рвение жены или короля (который специально послал в Гваделупе за врачом), или же родственников, друзей или слуг; ибо все, опасаясь утраты, постарались сделать все, что в их силах, для его исцеления и выздоровления. Но пришло время, когда Господь повелел герцогу оставить эту юдоль скорби и жить с благословенными святыми, получив вечную награду за заслуги. При жизни и в смерти он дал подтверждение тому через множество очевидных и благочестивых событий.

Я мог бы здесь объявить о доблести, мудрости, разумении и других прекрасных качествах великого герцога, хорошо известных миру, в котором он жил, однако скорее предпочту умолчать о них, нежели своим неумением не воздать

43 Эскориал — королевская резиденция и монастырь ордена иеронимитов, посвященный Св. Лаврентию (в память о победе армии Филиппа II над французами в сражении при Сен-Кантене 10 августа 1557 г.), строился по приказу короля в 1563–1584 гг.

им полагающиеся по праву почести. Ибо с его смертью королевство Испания лишилось одного из благороднейших и лучших дворян, каких когда-либо имело тогда и по сей день, что явствует из множества великих и важных дел войны и мира, в какие он был вовлечен с юности. Об этом говорит и любовь, которую питал к нему император Карл V⁴⁴, рекомендовавший его своему сыну Филиппу как стоящего и способного помощника, и благосклонность и уважение этого короля, какими он пользовался до самой своей смерти, будучи членом его Государственного совета, и капитаном испанской гвардии. Его всегда призывали к королю на совет приближенных, что он, как благороднейший дворянин и достойный советник, использовал не во имя собственных интересов, не думая о приращении своих земель и богатства, но во имя чести короля, служения своей стране, общего блага, вознаграждая тех, кто этого заслуживал. Благородные дворяне и вдовы, впавшие в бедность, обращались к доброму герцогу за покровительством и защитой и обретали помощь в своей нужде. В обыкновении герцога было назначать иностранцам, будь то англичане, фламандцы или итальянцы (особенно если они были дворянами), прибывшим ко двору с делами и требованиями, на рассмотрение которых нужно было время (и решение по ним принималось после долгих проволочек), пособие на содержание. И когда его управляющий жаловался, что дохода не хватает, чтобы снабжать столь многих, и необходимо обеспечить его собственный дом всем необходимым, герцог отвечал: «у меня есть [серебряная] посуда, заложите ее, но не позволяйте этим людям нуждаться», сочувствуя тем, чьи дела долго оставались неразрешенными. Гер-

44 См. примеч.146 к первой части публикации.

цог предпочитал общее благо своему собственному, даже если речь шла о самом важном.

Сама герцогиня рассказала мне, что однажды герцог говорил с ней наедине о внезапном возвышении и великом богатстве одного человека, пользовавшегося доверием короля и его благосклонностью. Она выразила недовольство небольшим прибытком, какой имел герцог, хотя никто не пользовался большей благосклонностью, не проявлял большей верности, не был ближе к королю, нежели он, через которого проходили и разрешались все дела. Он же ответил: «ты бы предпочла, чтобы я брал подарки и взятки, или же, чтобы моя честь оставалась незапятнанной, как ей и подобает? Ибо если я стану брать подарки, тебе придется держать заднюю дверь открытой, чтобы их выносить, так как твой дом вскоре ими переполнится. Но до сих пор моя честь не была запятнана взятками, и стоит ли мне начинать?». Она отвечала: «если это касается твоей чести, то пусть все останется как есть, ибо ради сохранения твоей чести я лучше стану бедной, нежели потерплю малейшего урона для нее».

Герцог был добродушным и приятным в обхождении, не высокомерным или презрительным, не гордецом, обращался со всеми вежливо и проявлял щедрость к нуждавшимся. Примечательно было уважение, какое он оказывал духовным лицам, и восхитительно его рвение и благочестие в соблюдении обрядов церкви. Он предпочел вызвать неудовольствие матери⁴⁵, к которой всегда обращался с должным почтением, и рискнул утратить поместья маркизата Приего, наследницей которого она являлась, но не согласился же-

45 Каталина Фернандес де Кордоба и Энрикес (1495–1569), маркиза де Приего, дочь Педро Фернандеса де Кордоба и Пачеко, сеньора де Агилар и маркиза де Приего, и Элвиры Энрикес де Луна. Жена Лоренсо Суареса де Фигероа, графа Ферии.

ниться на единственной дочери своего старшего брата, дона Педро⁴⁶, скончавшегося молодым и не оставившего других наследников, так как она была слишком близка ему по крови⁴⁷. В отместку его мать (во всех прочих отношениях добродетельнейшая дама) выдала девушку замуж за его младшего брата⁴⁸ и поделила поместья между двумя братьями.

Во время своей болезни, которая с каждым днем становилась все опаснее из-за жестокой лихорадки, он распорядился всеми делами, как подобает христианину, исповедался, принял причастие и соборовался. Рядом с ним всегда находились священники, и он, насколько позволял его недуг, проводил время в духовных рассуждениях, утешая герцогиню, указывая ей на волю Господа, которой все должны повиноваться, на ее собственную веру и разумение, так, чтобы она с терпением перенесла его уход, говоря, что оставляет сына, который должен будет занять место отца. Затем он призвал сына и благословил его; он приказал ему служить Богу, жить добродетельно, почитать мать и повиноваться ей, напомнив ему о великом долге по отношению к ней. Герцог почитал Деву Марию, и в день Ее рождения он родился в Господе.

Король так тяжело переживал его смерть, что даже пролил слезу, чего, говорят, он делал только по своему сыну, до-ну Карлосу⁴⁹. Но эта тяжкая утрата, хотя и была всеобщей,

46 Педро Суарес де Фигероа, граф де Ферия (1518–1552), придворный императора Карла V.

47 Каталина Фернандес де Кордоба – Фигероа и Понсе де Леон (1547–1574), маркиза Приего, дочь Педро Суареса де Фигероа, графа де Ферия и его жены Аны де Ла Крус Понсе де Леон, дочери герцога де Аркос.

48 Ее супругом в 1563 г. стал Альфонсо Фернандес де Кордоба и Фигероа (ум. 1589), маркиз Вильяфранка, младший брат герцога Ферии.

49 Инфант Карлос (1545–1568), старший сын Филиппа II и его первой жены Марии Португальской. Был отстранен отцом от наследования престола из-за душевной болезни. Скончался 24 июля 1568 г.

коснувшись и королевской службы, и дел добрых и заслуженных людей, подданных короля и иностранцев, духовных и светских, больше всего затронула герцогиню.

Герцог был великим покровителем и защитником отцов Общества Иисуса (ордена, который заслуживал этого своими трудами в церкви Христовой, ученостью и добрым примером), что отец Рибаденейра⁵⁰ в посвященном герцогине Послании в своей книге *De los santos Extravagantes* подтверждает следующими словами: «я уже давно искал подходящего случая, чтобы выразить обязательство смиренного Общества Иисуса служить Вашему Превосходительству и Вашему благороднейшему дому. Я же обязан Вам более, чем кто-либо, так как я — давний свидетель множества благ, полученных нами из рук Его Превосходительства, Дона Гомеса де Фигероа и Кордоба, герцога Ферии, Вашего супруга, которые Ваше Превосходительство и Ваш сын, герцог Дон Лоренсо даровали как истинные покровители и защитники нашего Общества. Приведу один пример из многих. В 1555 г. я отправился в Рим из Фландрии по поручению блаженного отца Игнатия⁵¹, нашего Отца и Основателя, чтобы просить Его Католическое Величество разрешить нам создать коллегии нашего Общества в этих владениях и тем самым послужить Богу нашими скромными трудами, подобно тому, как Его милостью Общество делает это во многих других частях све-

50 Педро де Рибаденейра (1527–1611), иезуит, полемист, историк и агиограф. Ниже речь идет о его сборнике житий местночтимых святых, не внесенных в Римский Бревиарий: *Ribadeneira P. Flos Sanctorum o Libro de las Vidas de los Santos...en el Qual se Contienen las Vidas de Christo Nuestro Señor y de su Santissima Madre y de Todos los Santos...van Añadidos en Esta Segunda Impresión los Santos Extravagantes*. Madrid: Luis Sánchez, 1604.

51 Основатель Ордена иезуитов Св. Игнатий Лойола (1491–1556), сподвижником и биографом которого был Рибаденейра.

та Хотя это прошение и было справедливым, оно встретило немало трудностей и препон со стороны людей, скорее обязанных проявить благосклонность и помочь такому святому труду (как это случается на службе Богу), однако герцог дон Гомес своей властью, доблестью и мудростью получил у короля все то, к чему я стремился. Ибо, будучи великим господином, братом отца Антонио де Кордобы⁵², члена нашего Общества, и сыном достойнейшей госпожи, донны Каталины Фернандес де Кордоба, маркизы де Приего, братом донны Марии де Толедо, герцогини де Аркос⁵³, известных покровителей нашего Общества и основателей коллегий в Монтилье и Марчене, Его Превосходительство стал моим патроном, и пока я находился при дворе, он был мой защитником, покровителем, адвокатом, великим господином и любящим отцом. Он добился того, что казалось невозможным, и открыв до тех пор запертые двери, сделал возможным для Общества иметь дома и коллегии во всех этих странах. Благодаря этому разрешению и привилегии у Общества их сейчас там более двадцати, а в них более семи сотен человек, во всех главных городах Нидерландов, что служит Господу нашему, просвещая и подавляя еретиков, воодушевляя католиков и наставляя их жить по-христиански, повиноваться Богу и государям. И всеми этими плодами, после Бога, для служения которому они предназначены, Общество обязано герцогу, как корню, от которого они произросли».

Потом в том же Послании Рибаденейра также добавляет: в 1557 г., снова вернувшись из Рима во Фландрию, «я и все Общество в моем лице получили (говорит он) много вы-

52 Антонио Фернандес де Кордоба, иезуит, младший брат герцога Ферии.

53 Мария Суарес де Фигероа и Кордоба (ум. 1568), сестра герцога Ферии, жена Луиса Кристобаля Понсе де Леон, герцога де Аркоса.

год. И я вместе с Его Превосходительством в 1558 г. отправился в Англию, посланный королем, чтобы помочь во время болезни нашей госпожи и королевы Марии, и т.п.».

Более того, от смерти герцога наша страна и католики потеряли главную надежду на исполнение их желания — восстановления католической религии, ведь они знали о его стремлении способствовать любым мерам, какие могли этому помочь, что он и делал, когда перемены только пришли в Англию, а также и приняв на себя управление Нидерландами, куда он был назначен в 1571 г. Он собрался в путь, но затем его настиг смертельный недуг и Господу было угодно изменить этот счастливый курс. Заслуживающие доверия люди сообщили мне, что герцог неоднократно говорил королю: помощь нашей стране сильно укрепит репутацию Его Величества, и перед Богом и людьми он обязан честью исправить зло, так как с тех пор, как он покинул [Англию], страна, которую его жена оставила в хорошем состоянии, пришла в упадок. Его Величество не мог забыть о том, что произошло, так как герцог был его советником и слугой, отправленным, чтобы сохранить ту, что тогда правила, и несмотря на надежды и обещания, обманула всех. Рвение герцога по отношению к нашей стране проявилось при посредстве писем, написанных после его смерти на латыни Его Величеству и герцогу, его сыну, в которых также выказано и уважение, какое английские католики питали к госпоже герцогине, желавшие ее приезда в Нидерланды. Я обнаружил, что это письмо было написано четким и красивым почерком и подписано следующими именами: доктора Уильям Аллен, Оуэн Льюис, Томас Степлтон, Ричард Холл, Ричард Уайт, Уильям Картер, Уильям Смит, Уильям Нотт, Джон Доли, лицензиат или бакалавры богословия Генри Джолиф, Уильям Тейлор, Томас Уилсон, Томас Бейли, Лоренс Уэбб, Питер Фостер,

Катберт Вокс, Томас Метам, Томас Паркер, Томас Дорман, Джайлс Капелл, Грегори Белл, Гилберт Бренфорд, Эдмунд Харгетт, Томас Хайд, Джон Маршалл, Джон Фенн, Томас Фримен, Морис Чанси, приор картузианцев⁵⁴, за себя и свой монастырь⁵⁵. Это письмо к Его Католическому Величеству было датировано 6 октября 1571 г. в Антверпене.

Письмо от тех же авторов герцогу Ферии по случаю смерти его отца было написано в тот же день.

Другое письмо от них же кардиналу-протектору⁵⁶ доставил доктор Николас Сандер⁵⁷.

Его Святейшество папа Пий V написал герцогине по получении известия о смерти герцога. Его бреве датировано у Св. Петра, 28 ноября 1571 г. и подписано также: Ант. Буккапедалиус.

Глава X. О вдовстве герцогини и ее проявлениях ею добродетелей в этом состоянии

Герцогиня, на восемнадцатом⁵⁸ [тринадцатом] году брака, в возрасте тридцати четырех лет, была со всех сторон осаждена мрачными мыслями о своем вдовстве, нынешнем одиночестве и тяжкими воспоминаниями о прежнем счастье, однако умерила свои страсти (которые обычно в таких случаях, даже у мудрейших, усиливаются до крайности, возоб-

54 Перечисленные Клиффордом клирики — англичане — представители первого поколения эмигрантов, выпускники английских университетов, не принявшие религиозное законодательств Елизаветы I. Самые известные и влиятельные из них: Уильям Аллен, Томас Степлтон, Оуэн Льюис (см. примеч. 116-118 к первой части публикации.) и Морис Чанси (1509–1581), доктор богословия, приор общины английских картузианцев из Шина (Ричмонд).

55 См. примеч. 288 к первой части публикации.

56 См. примеч. 120 к первой части публикации.

57 См. примеч. 109 к первой части публикации.

58 Ошибка в рукописи.

ладав над осмотрительностью, такова сила страстей, превосходящих разум), учитывая все обстоятельства, о которых я должен сказать снова: она была молода, иностранка вдали от родины и друзей, а ее утрата столь велика, что все это должно было усиливать горе, тем более, что ему нет утешения. Тем не менее, к умеренности ее подвигла не столько необходимость, сколько вера, дававшая силы считать, что муж не умер, а просто отсутствует. Поэтому она решила постоянно блюсти ему верность и подчиниться полностью воле Господа.

На смертном одре герцог верил своей жене три вещи — душу, сына и честь. Душу, чтобы о ней молились и помогали ей святым таинством церкви, милостыней и другими делами милосердия. Сына, которого надлежало воспитывать похристиански, в страхе божием, взрастив в нем знания и качества, подобающие его рангу и положению. Честь, о которой нужно было позаботиться, оплатив его долги и выполнив обязательства там, где это было необходимо. Обо всем этом она заботилась так тщательно, что не тратила времени и не упускала возможности поскорее сделать необходимое.

Что касается первого, то немедленно после смерти герцога во всех монастырях и приходах Эскориала и Мадрида были пожертвованы немалые суммы за молитву о его душе. А в его поместьях, во многих монастырях началось вечное поминание. При жизни и до самой смерти герцогиня всегда помнила об этой обязанности и в своем завещании оставила особое распоряжение своему внуку — герцогу⁵⁹ всегда поминать деда, отца и ее саму, отмечать годовщины торжественными молебнами. Такое распоряжение она в течение нескольких лет давала мне с тем, чтобы оно было исполнено

59 Гомес Суарес де Фигероа и Кордоба, 3й герцог Ферия (1587–1634), сын Лоренсо Суареса де Фигероа и Кордоба и его третьей жены Исабел де Мендоса.

в большинстве монастырей Мадрида, и щедро раздавала там милостыню.

Что касается второго, а именно, образования ее сына, то об этом уже сказано в описании его жизни и достоинств.

Что же до третьего, а именно, поддержания чести мужа, выплаты его долгов и выполнения обязательств, как того требовала совесть, в управлении его родовыми поместьями, она явила добродетели любящей жены и верную память благочестивой, трудолюбивой и благоразумной дамы. Ко времени смерти герцога его владения (из-за его собственных долгов и долгов его старшего брата, графа дона Педро, понесенных на службе государям) были заложено на сумму в 300,000 дукатов, и эта добрая госпожа сумела со временем очистить их от долгов благодаря своему разумному управлению делами. Когда ее внук — герцог вступил в наследование, то нашел свои поместья свободными от долгов. Ему было поручено отправиться выказать повиновение папе Павлу V⁶⁰ — то было его первое назначение⁶¹, а он — еще молод — и он выказал такую чрезвычайную щедрость, так что влез в новые долги из-за этого посольства, небольшие по сравнению с тем, что обнаружила его бабушка по смерти деда. Ее управление выразилось не в отказе от выплат пенсий, которые коснулись бы ее дома или чести сына, и не в увертках и трюках для выжимания денег из вассалов и арендаторов, к которым она всегда относилась с такой добротой и честностью, что они очень уважали, почитали и любили ее. Чтобы показать это, можно привести всего один пример.

60 Павел V (Камилло Боргезе, 1550–1621), римский понтифик в 1605–1621 гг.

61 Молодой герцог Ферия был назначен посланником в Рим в 1607 г.

В 1603 г. король отдавал в откуп дорожные пошлины в Бадахосе, в пределах Португалии⁶². Ее сын — герцог был тогда вице-королем Сицилии⁶³. Узнав об этом откупе, он немедленно написал матери, распорядившись приобрести для него пошлины любой ценой, потому что, находясь рядом с его поместьями, место сбора пошлины было удобно, причем для него более, чем для других, а если бы кто-то другой взял его у откуп, то пошлины причиняли бы ему ущерб. Получив письмо, герцогиня немедленно послала в королевскую контору, подав прошение об откупе и желая узнать его цену. Ей ответили, что цена — сорок тысяч дукатов, и заплатить их надо через несколько дней полностью и в звонкой монете, и до оплаты права сбора пошлины не передавались. В таких обстоятельствах герцогиня немедленно начала собирать эту крупную сумму, причем она жила в Мадриде, а королевский двор, где надо было внести плату, находился тогда в Вальядолиде⁶⁴ (почти за сто миль); подруга немедленно одолжила ей четырнадцать тысяч дукатов. Что же до остального, а именно, двадцати шести тысяч дукатов, то она немедленно отправила гонца с письмом в Сафру к управляющему поместьями герцога, приказав ему позвать арендаторов и уговорить их дать эту сумму, объяснив им необходимость незамедлительной уплаты, и обещая своим письмом выплату долга через четыре месяца. Гонец прибыл в Сафру около одиннадцати часов утра. Прочтя письмо герцогини, управляющий сразу послал за главными среди горожан с тем, что-

62 Бадахос находится на границе с Португалией, которая в 1580–1640 гг. находилась под управлением испанских Габсбургов.

63 Лоренсо Суарес де Фигероа и Кордоба, 2-й герцог Ферия, был вице-королем Сицилии в 1603–1607 гг.

64 Вальядолид был столицей Испании в правление короля Филиппа III, в 1601–1606 гг.

бы те встретили его в ратуше в два часа. Они собрались там в назначенный час. Управляющий прочел им письмо герцогини и потребовал от них ответа. Случилось так, что к семи часам вечера того же дня все двадцать шесть тысяч дукатов принесли в дом управляющего без дальнейшего ответа или просьбы о других гарантиях в виде счета или залога, кроме простого письма, которое написала герцогиня. Об этом мне рассказал на ее похоронах сам управляющий, пораженный этими событиями. Таковы были любовь и уважение арендаторов к ней, иностранке, заслуженные ее приветливостью и рачительностью.

Глава XI. Образ жизни герцогини в годы ее вдовства

В своем домашнем укладе герцогиня после смерти мужа стала жить как монахиня, отказавшись от всех внешних проявлений величия, будь то пышная свита, облачения или домашняя утварь, как обычно и поступают знатные вдовы в Испании. Она, всегда отдавая должное служению сыну и управлению его поместьями, полностью посвятила свое время добродетели, служа Господу делами благочестия, и продолжала в этом духе до самой смерти, так что все, монахи и миряне, великие и малые, уважали и почитали ее.

Подобным же образом управлялся и ее дом. Святость дома, храбрость вне его, осмотрительность повсеместно. Ее слуги были обеспечены всем необходимым в соответствии с местом, должностью и заслугами; их питание и оплата всегда выдавались без задержек. Если они болели или испытывали слабость, то по строгому приказу герцогини к ним вызывали врача, даже если заболевший был последним слугой ее дома, и обеспечивали всеми лекарствами, которые врачи им прописывал. Она приказывала всем своим слугам ежедневно ходить к мессе. В ее собственной молельне ежедневно служили

мессу, и она распорядилась, чтобы все служившие ей женщины там присутствовали с самого начала; слуги-мужчины могли отправиться в церковь. Она дала точное распоряжение: все ее домочадцы должны были исповедаться по двенадцатым, а также богородичным праздникам. Домочадцам полагалось соблюдать заповеди Господа и Его святой церкви, быть друзьями истины и избегать ее противоположности, жить в мире, быть целомудренного и честного поведения, так госпожу сильно оскорбляло проявление противоположного в жестах и делах. Она управляла домом и домочадцами так, что являла собой прекрасный пример другим: своим попечением очистила дом, как уже было сказано, от больших долгов, которые его обременяли, и, как уже было показано, воспитала сына в благородной добродетели. Служение ей было школой добродетели и давало добрый пример всем, кто имел счастье ей служить, многие из слуг покинули свет и стали монахами и монахинями. Полагаю, что за сорок лет вдовства редкий год проходил без того, чтобы тот или другая не отправлялись бы из ее дома в монастырь. Я знавал ее бывших слуг среди францисканцев, босоногих и других, а также доминиканцев, августинцев, бенедиктинцев, иезуитов и прочих. Так управляла она домом и домочадцами.

Второй добродетелью вдовы, по словам Св. Павла, есть почитание родителей. У герцогини не было возможности следовать этому правилу буквально, так как ее дед, бабушка и мать умерли еще до того, как она овдовела, а ее отец — вскоре после этого, причем он в Англии женился на другой женщине и имел от нее еще детей, а она жила в Испании. Но пока он был жив, она не забывала о подобающей уважении; что же касалось умерших, то ее молитвы и мессы, которые ее стараниями служили за помин их душ, являлись свидетельством ее любви и почтения; с этой целью она раздавала щед-

рую милостыню монастырям. А прежнее отношение (к воспитавшей ее бабушки) ясно показывает, как внимательна она была к своим обязанностям. Она распорядилась возвести над могилой бабушки и сестры, леди Хангерфорд (находящейся в хоре перед алтарем в церкви картузианцев в Лувене)⁶⁵ прекрасное надгробие и пожаловала монастырю сто флоринов ежегодной ренты. Хотя ее родители и скончались (так что она не могла помогать им и заботиться об их телах), она могла полностью применить этот совет к попечению об их душах; ведь вдовы редко застают своих родителей живыми, и по большей части сами являются родителями.

В любви и попечении о своем сыне-герцоге и его сыне, т.е., своем внуке, пока тот был молод и нуждался в наставлениях, ее забота и бдительность превышали обычные или природные. Она никогда не упускала возможности дать благочестивые совет или увещание (даже когда они уже выросли и женились) служить Богу и жить добродетельно. Приведу лишь один случай, которому я сам был свидетелем. Когда нынешнему герцогу, ее внуку, пожаловали звание рыцаря Св. Якова и торжественно посветили его в церкви Св. Доменика в Мадриде⁶⁶, то после празднования он прибыл к своей бабушке-герцогине (поскольку ее дом рядом с храмом) с красным крестом на груди, а она, поздравив его с оказанной ему честью, сказала ему следующие слова: «Сын мой, ты теперь новый человек и принял на себя новые обязательства. Они побуждают тебя быть верным и доблестным рыцарем Бога и Его церкви. Крест на груди должен напоминать тебе, под чьим знаменем ты служишь и чьим воином являешься, и по-

65 См. примеч. 111 к первой части публикации.

66 Церковь Сан-Доминго, на одноименной площади Мадрида, главный храм доминиканской обители у северной стены города (XVI в.)

буждает тебя всегда иметь перед глазами Того, чьей смертью крест стал честным, так что для тебя честью является носить его на сердце. И поскольку Его величайший враг — грех, тебе надлежит всегда бороться с грехом, иначе изменой будет носить Его цвета и подчиняться Его врагам. Поразмысли об этом, мой добрый сын, и постарайся следовать этому правилу, и тебя станут почитать Бог и люди. И да дарует тебе Господь радость, какой я тебе желаю». И она поцеловала его в щеку. И так с взаимной нежностью она дала, а он принял благословение, преклонив колено.

Как уже было сказано, леди Хангерфорд была единственной сестрой герцогини по отцу и матери, и муж был недобр к ней. Он утеснял ее из-за ее совести, и с его разрешения она в 1571 г. уехала во Фландрию⁶⁷. Там ей почти или вовсе не выплачивали содержание, полагавшееся ей от мужа, а друзья в Англии пренебрегали ею, но до смерти ее поддерживала любовь и забота сестры-герцогини, постоянно и щедро помогавшей ей по своей большой к ней привязанности до самой смерти; герцогиня брала средства из своего содержания, чтобы помочь сестре, о чем я знаю, так как видел многое, сделанное ею для сестра при жизни и после смерти.

Среди тех, кто уехал с герцогиней из Англии, была госпожа Маргарет Харрингтон, сестра ее двоюродного брата, лорда Харрингтона. Она выдала ее замуж за знатного и достойного дворянина, дона Бенито Сиснероса⁶⁸, и дала ей в приданое двадцать тысяч дукатов. На смертном одре та, припоминая великие милости и щедрость, оказанные ей герцогиней (ранее она схоронила мужа и двух рожденных от него детей), в благодарность пожертвовала оставшиеся

67 См. примеч. 112 к первой части публикации.

68 См. примеч. 292 к первой части публикации.

средства, чтобы построить в Сафре женскую обитель францисканок, где и покоится ее тело⁶⁹. Герцогиня вдовствовала в течение долгих лет и испытала немало бедствий, таких, как болезни и другие мирские заботы, касавшиеся ее близких, но всегда являла пример христианского терпения и упования на Господа, особенно же — в смерти ее единственного сына — герцога⁷⁰. Этому я сам был свидетелем. Его смерть лишила ее не только сына, но и всех средств к существованию. Ведь ее содержание, по ее собственной просьбе, выплачивалось ей из энкомьенды Сегуры⁷¹, которая по смерти герцога вернулась в руки короля и могла быть пожалована кому угодно, по его воле. Получив тяжкую весть о смерти герцога, она, не зная, как он распорядился о ней в своем завещании, и будучи уже семидесяти лет, в чужой стране, потерявшая единственного сына и все средства к существованию и не зная, где взять деньги на содержание себя и своих людей, не поколебалась в своем уповании на свое Утешение, вверив все Его божественному провидению, уверенно произнеся: «Господи, на все воля Твоя». Однако герцог распорядился, чтобы она была обеспечена подобающим образом, и приказал сыну исполнить это.

Преследование католиков в ее стране было для нее большим бедствием; она много раз со слезами, исполненная сочувствия, выслушивала и пересказывала сообщения об их страданиях. Однако всегда она заключала их словами: «будем надеяться и уповать на Бога. Он пошлет нам избавление. Обращение нашей страны станет делом рук самого Господа, поэтому кто бы ни попытался добиться того своей добле-

69 Церковь Св. Марины в конvente кларисс (Сафра).

70 27 января 1607 г.

71 См. примеч. 34.

стью, ученостью, уловками, изобретательностью или другими трудами, похищая своими умыслами честь у Господа, не преуспеет. Наши грехи привели к гибели, но Господь может и должен восстановить рухнувшее здание. Пока же нам нужно уповать на Его Божественное милосердие, ожидать Его небесной воли, не забывать ежедневно молиться и взывать к Его благодати, а также и просить прочих добрых людей употреблять свои труды и ученость для завоевания душ, как они это уже начали делать из заморских семинарий». Достойная речь и совет уповать на Господа.

Глава XII. Рука герцогини сломана. Ее последующая болезнь. Ее обычный образ жизни в годы вдовства.

В праздник Св. Бернарда⁷², 20 августа 1609 г., к герцогине прибыла с визитом герцогиня Инфантадо⁷³. Герцогиня Ферия встретила ее в зале, и обе они состязались между собой в оказании другой почтения. У нашей герцогини левая рука была подвязана шарфом из-за боли, которую она испытывала в левой груди (так, чтобы движением руки не потревожить грудь, сильно ослабленную болью). Герцогиня Инфантадо, взяв ее за эту руку, потянула вперед себя, и сделала это с силой, а та тянула руку к себе, и так, борясь друг с другом, сломали кость чуть повыше локтя. При этом наша герцогиня издала стон, сказав “Mi braço està quebrado” (Моя рука сломана). Я, находясь рядом с герцогиней, был поражен ее внезапным вскриком и жалобой, так как не мог и вообразить, что руку можно сломать таким незначительным усилием, и подумав, что она вывихнута, позвал ее дам, которые, придя к ней и взяв ее за руку, подтвердили слова госпожи.

72 Праздник (день памяти) Св. Бернарда Клервосского.

73 Ана де Мендоса и Энрикес де Кабрера, герцогиня Инфантадо (1544–1633), глава клана Мендоса.

Боль была невыносимой, и слуг немедленно послали за костоправом, причем посоветовали одного хромца, который считался искусным. Первый из приглашенных пришел, взял герцогиню за руку, и сказал, что она сломана, но неумелый детина, хромой на обе ноги, обошелся с ней грубо. Ей пришлось подчинить свое слабое и страдающее от боли тело его рукам. Он наложил повязку на руку грубо и плохо, заставив герцогиню страдать. Она жаловалась на его неискренность, грубость и сильную боль, какую он в ней вызвал. Затем приехал вызванный к ней внук-герцог, и врач, выбравший костоправа за его плохо сделанную работу и приказавший ему убираться. Немедленно приказали пригласить королевского костоправа по имени Куэнса; его долго искали, но он сразу отправился к госпоже, поздно ночью. Он снял повязку с руки герцогини, возмущенный невежеством ее прежнего хирурга, почувствовав, что кость расщепилась, и наложил новую повязку в присутствии врачей; все они посещали ее вместе два или три раза в день.

Однако мастерство этого костоправа оказалось не слишком велико, так как герцогиня по-прежнему страдала от сильной боли и не могла спать, и по-прежнему жаловалась на то, что кость ей плохо вправили. Потрогав ее руку, одна дама, родственница герцога, предложила послать за сельским костоправом, порекомендовав его за искусность и удачливость в исцелении. Этот человек жил в двадцати шести или двадцати семи лигах от Мадрида. Я сразу послал за ним со всей возможной скоростью. Он приехал через три дня, простой сельский житель, и он не притрагивался к ней иначе, чем в присутствии врачей, что нам в нем понравилось еще больше. Он спросил Ее Милость о том, какую она испытывает боль и где больше болит, а когда пришел врач, он снял повязку и показал, как кость была неправильно сложе-

на, так что врачи все сразу увидели, и все присутствовавшие могли, прикоснувшись, понять, что отколовшийся кусок кости торчит и не поставлен на место. И это через семь или восемь дней после первого наложения повязки; можно представить себе, какую сильную боль испытывала герцогиня, тело которой в семьдесят два года было хрупким и старым. Этот человек перевязал ее руку, наложил тугую повязку и взялся ее лечить; королевского костоправа отправили восвояси.

Потом герцогиня пребывала в постели сорок дней, в одной позе, не переворачиваясь, ибо когда она шевелилась, боль в руке вынуждала ее лежать на спине неподвижно. Несмотря на это, в тяжелых испытаниях она проявляла удивительную надежду и упование на Господа, перенося все со спокойствием и восхитительным терпением, подобно святому Товии. Ведь хотя она всегда боялась Бога, с самого детства, и выполняла Его заповеди, она не роптала против Бога из-за выпавших ей бедствий, но пребывала в страхе божием все дни своей жизни⁷⁴. Терпя боль в руке и груди, а также и все другие бедствия, телесные или внешние, она всегда с явной покорностью подчинялась воле Господа нашего, моля Его Божественное Величество делать с ней все, что нужно для служения Ему и спасения ее души. Каждый день (но особенно когда боль сильнее всего беспокоила и мучила ее), она повторяла по-испански фразу, собственноручно выписанную в ее книгу «цветочков». «Господи, ты ведаешь, что хорошо для здравия моей души. Молю Тебя подать мне телесные блага так, чтобы я не утратила духовных».

74 **Vulgata. Tobiae** 2:13-14: nam cum ab infantia sua semper Deum timuerit et mandata eius custodierit non est contristatus contra Deum quod plaga caecitatis evenerit ei, sed immobilis in Dei timore permansit agens gratias Deo omnibus diebus vitae suae

Первым ее выходом из дома после своего несчастного случая, стало паломничество к часовне Богородицы в доминиканском монастыре Аточа⁷⁵, святом месте, привлекавшим толпы богомольцев. В этом, и во многих других бедствиях, выпавших на ее долю в годы вдовства, ясно проявились ее надежда и христианское упование на Господа, что мы увидим и в ее последней болезни.

Я мог бы сравнить образ жизни герцогини с жизнью известнейших дам христианского мира. Обычно, если позволяло здоровье, она летом вставала с рассветом, а зимой — еще до рассвета, и вскоре после этого шла в молельню, где и оставалась до конца мессы. Ее капеллан служил мессу летом между семью и восемью часами, а зимой — немногим позже. А если дома были оба капеллана, они оба служили мессу, и часто туда прибывали и другие священники и монахи; обыкновенно она была на всех службах. После мессы она призвала к себе слуг, ведавших ее делами, чтобы выяснить, в каком они состоянии и дать распоряжения. Она каждый день читала Часы Богородицы, Св. Креста и Св. Духа, по определенным дням — всю заупокойную мессу и псалмы, а по особым праздникам — всю мессу из бревиария. Она не пропускала и дня, не прочтя общих литаний и других литаний того дня и часа. Она принимала таинства исповеди и причастия каждую неделю и по большим праздникам. Она никогда не пребывала в праздности, но молилась, работала, читала или занималась делами своего дома, за исключением тех случаев, когда ей наносили визит незнакомцы или знатные персоны, или же она наносила им ответный визит вежливости, что для нее было бременем, как она часто жаловалась. Когда ее

75 Конвент Св. Томаса (Фомы) Аквинского (осн. 1583) на ул. Аточа в Мадриде.

зрение слишком ухудшилось для того, чтобы заниматься рукоделием, она стала прилагать усилия, трудясь для бедных; последним ее делом стало сшить и обметать края простыней для госпиталя. Прежние же ее творения были роскошными и дорогими, выполненными для церковного богослужения. Последними из них были облачения для священника и алтара, подаренные ею новой Английской семинарии в Мадриде.

По двенадцатым и другим большим праздникам она неукоснительно отправлялась к вечерне и торжественной мессе в монастыре Св. Доминика⁷⁶, или Ангелов, обитель монахинь-францисканок на той же улице⁷⁷. Там службы были торжественными и пышными, с прекрасной музыкой. Герцогиня оставалась там надолго, так как вся служба очень длинная. На Страстной неделе она также все время была в церкви, а в последние четыре дня ежедневно проводила там по десять или одиннадцать часов.

Когда ее зрение слишком ухудшилось, чтобы вышивать, как я сказал, она проводила большую часть времени за чтением благочестивых и духовных книг, таких, как «Размышления Св. Августина»⁷⁸, его «Исповедь»⁷⁹ и «Руководство»⁸⁰ по-испански, житий святых, которые она каждый день читала сама. В минуты слабости эти книги ей читали в присутствии ее дам. Она всегда выказывала истинное смирение в своем благочестии. Она была врагом тщеславия и лести, но не могла скрыться, так как многие монахини и известные своим благочестием люди желали быть помянутыми в ее молитвах, как, например, монахиня Ордена Св. Франциска из

76 См. примеч. 66.

77 Конвент Девы Марии Ангелов (осн. 1564) близ площади Сан-Доминго.

78 *Meditationes S. Augustini.*

79 *Confessiones S. Augustini.*

80 *Manuale S. Augustini, sive de contemplatione Christi.*

Каррион де лос Кондес⁸¹, которой мудрейшие, ученейшие, благочестивейшие и могущественнейшие в Испании восхищались за редкую святость и подлинно небесные добродетели, кого часто посещали король и королева ради ее совета и молитв. Эта монашествующая дева порой писала герцогине, желая состоять с ней в переписке, и некоторые ее письма я видел и был поражен их стилем: женщина писала с великой мудростью о божественных причинах и советовала о пути совершенства, что для меня являлось свидетельством апостольского духа. Папы адресовали герцогине свои бреве, вверяя себя ее молитвам, а именно, Григорий XIII⁸², Сикст V⁸³, Климент VIII⁸⁴, чьи письма я видел и читал.

В соответствии с достойным похвалы обычаем, соблюдаемым в Испании, знатные вдовы там свободны от обязанности следовать светской моде. После смерти мужей они отказываются от мирского тщеславия и роскоши, одеваются в простые и дешевые одеяния и никогда не носят золота, серебра, драгоценностей, шелка или кружев. Их покои зимой затянуты простой черной тканью, а в теплую погоду — колленкором или другой дешевой грубой материей. Их свита и слуги имеют лишь самое необходимое, не выказывая дерзости. Поверх верхней одежды вдовы носят грубую черную накидку и ток из белого льна, покрывающего всю фигуру. И они почти никогда не выходят замуж повторно, за исключением тех случаев, когда они — наследницы, очень молоды и

81 Монастырь кларисс (осн. в XIII в.) в Каррион де лос Кондес (близ Паленсии, Кастилия).

82 См. примеч. 119 к первой части публикации.

83 Сикст V (1521–1590; Феличе Перетти, или Пьерджентиле), римский понтифик в 1585–1590 гг.

84 Климент VIII (1536–1605; Ипполито Альдобрандини), римский понтифик в 1592–1605 гг.

бездетны. Я знаю даму⁸⁵, единственную дочь маркиза Велады⁸⁶, великого мажордома короля, которая в восемнадцать лет вышла замуж на герцога Мединасели⁸⁷. Через год у нее родился сын⁸⁸, а ее муж умер. Ее невозможно было убедить выйти замуж еще раз и дать сыну нового отца, ибо они [испанки] считают повторный брак бесчестьем и уроном для себя, дома и детей. Ибо закон гласит: «Женщина, приносящая повторный обет, пренебрегает тремя лучшими вещами — Богом, памятью покойного мужа и любовью к детям».

Нашей герцогине было тридцать четыре года, когда скончался ее муж, она была матерью единственного сына двенадцати лет, а герцогу на момент смерти не исполнилось и пятидесяти. Если учесть их возраст, то это время должно было бы стать периодом их наибольшего взаимного счастья и довольства. С ее стороны — мужем, еще не начавшим стареть, и сыном — достигшим возраста понимания; со стороны герцога — ею, так как, будучи замужем тринадцать лет, она освоила язык, и приспособилась к воздуху, обычаям и порядкам той страны, тем более, что король назвал и назначил его правителем Нидерландов, где они жили был близ Англии и ее друзей. Это обстоятельство было для ни обоих (как сказала мне герцогиня) огромным утешением: находившийся с королем герцог поздравил ее с прекрасными новостями, приказав написать ее бабушке, которая тогда жила в Лувене. Но герцогиня, хотя и обрадовавшаяся новостям, отвечала

85 Антония де Толедо и Давила (ум. 1625).

86 Гомес Давила, 2-й маркиз Велада, наставник, позднее — придворный короля Филиппа III Испанского.

87 Хуан Луис де Ла Серда и Арагон, герцог Мединасели (1569–1607). Антония де Толедо была его второй женой. Их свадьба состоялась 21 августа 1606 г.

88 Антонио де ла Серда и Толедо (1607–1671), герцог Мединасели.

герцогу: «Я не смею писать об этом бабушке из опасения, что что-нибудь этому воспрепятствует, а разочарование после радостного ожидания может угрожать ее здоровью и жизни. И хотя эти новости о земных делах радуют меня больше, чем что-либо, слышанное мной со времени отъезда из Англии, я не решусь поверить им до тех пор, пока мы не отправимся в путь, иначе, поверив и потом разочаровавшись, я нанесу себе большой вред». Препятствия не замедлили появиться, так как ее бабушка умерла в том же самом месяце июле, а герцог — в сентябре. Сын также казался совершенно счастливым, так как был достаточно взрослым, чтобы понимать достоинства своего отца и добродетель матери. Но все эти радости и утешения были разрушены ее вдовством; теперь она больше не искала мирских радостей, но лишь заботилась о воспитании сына, как то подобало его возрасту и положению, отказавшись и в одежде, и в еде от сего, что могло бы указывать на удовольствия.

В 1588 г. было обнаружено знаменитое лицемерие доминиканской монахини из Лиссабона, по имени сестра Мария де Виситасьон⁸⁹, претендовавшей на святость. Она колола голову шипами, наносила себе раны в бок и ладони, подражая Св. Франциску и Св. Екатерине Сиенской, и подвергая

89 Мать Мария де Виситасьон (посв. Празднику Встречи Девы Марии и Св. Елизаветы) (1556 — до 1598), монахиня доминиканского конвента Благовещения в Лиссабоне с 1567 г.; мистик, с начала 1570-х гг. испытывала видения, а в 1580-х гг. на ее голове, руках и груди появились раны, напоминавшие стигматы. В 1584 г. Мария была избрана приорессой своего конвента. Слава о святой монахине распространилась по всей Европе, о ней писали книги, к ней стекались паломники. Почитателем ее святости был доминиканский богослов и мистик Луис де Гранада. В 1588 г. в результате расследования чуда Марии де Виситасьон (включая ее стигматы) были признаны фальшивыми, она сама лишилась поста приорессы и была отправлена в пожизненное заключение в один из конвентов своего ордена.

себя мучениям ради своего тщеславия, стремилась убедить весь мир в том, что эти раны проявляются на ее теле чудесным образом, так же, как и у тех славных святых, и поддельным экстазом вызвала такое уважение людей, что они приходили к ней изо всех частей Испании, чтобы получить ее благословение и окропить тряпицы кровью ее ран; она же делала это столь хитроумно, что все почитали ее святой. Сам король Филипп II, недоверчивый в таких делах, если только они не опираются на твердые свидетельства и показания, признанные церковью, благодаря многочисленным докладам стал доверять доброй славе, идущей об этой монахини. И я сам слушал от некоторых (правда это, или нет, не знаю), что в 1588 г., когда в Англию отправился великий испанский флот, к ней приносили многочисленные знамена, чтобы она их благословила (великая дерзость с ее стороны так поступать). Но поскольку она была всего лишь лицемеркой, то вскоре после этого ее обман был раскрыт и доказан. После строгого допроса, она, будучи тогда приорессой монастыря, сама призналась (15 октября того же года), что это были уловки, измышленные ею, чтобы прослыть святой. История всем известна, и ею были обмануты многие мудрые, великие, ученые и добрые монахи. Признанная виновной, она подверглась суровому порицанию, глубоко раскаялась и не отказывалась ни от какого искупления, желая вынести все, на что только способны плоть и кровь.

Но вернемся к нашей цели. Когда еще шла слава о ее ранах и ее святости, и все считали ее таковой, один известный монах, видевший эту женщину и те раны, которые пробуждали слухи о ее предполагаемой святости, посетил герцогиню, и она расспросила его об этой монахини, и помимо прочего о ее речах и питании, а именно, знал ли он что-нибудь о первом и наблюдал ли второе, будучи монахом того же орде-

на. Тот отвечал: «Госпожа, Ваш вопрос подвиг меня сначала усомниться, прежде чем я увидел ее раны, потому что она говорит почти со всеми, кто к ней приходит, особенно со знатными и известными, и проводит много времени в беседах. О ее питании: так как она возглавляет конвент и считается святой, то, как мне известно, ей присылают много лакомств, и я не слушал, чтобы она отказывала себе в чем-либо, дозволенном монастырем и Орденом». Герцогиня отвечала: «В самом деле? Боюсь, что эта святость преходяща и не продлится долго. Ибо все святые, прославившиеся как великие слуги Господа, проявляли две следующие добродетели. В их личной жизни они были собранными и воздержанными, соединяя эти качества в служении Его Божественному Величеству, когда того требовала необходимость и христианская любовь. Противоположное же (т.е., беседы и лакомства, вместе с разнообразными вкусными блюдами) было приманкой для любви к мирскому и побуждало к греху», намекая здесь на пример Св. Мартина и святой женщины, которая придумала отговорки, чтобы увидеть его, Св. Франциска, Св. Доминика, Св. Клары и др.

Я уже отмечал любовь герцогини к целомудрию и целомудренным людям. Малейший жест или слово, намекавшее на обратное, вызывало ее великое недовольство. Она часто восхваляла чистую душу своей госпожи, королевы Марии, воспитание которой было столь целомудренным и лишенным нечистоты, что та не знала значений оскорбительных или грязных слов, о чем я уже говорит в ее жизнеописании.

Я приведу здесь слова старой дамы, некогда служившей при дворе, сказанные мне в Англии, до моего приезда в Ис-

панию⁹⁰. Королева Мария вышла на галерею за ширмой, собираясь идти в часовню. С ней был лорд Уильям Ховард, лорд-камергер⁹¹, прощавшийся с ней. За ширмой стояли фрейлины, которым надлежало сопровождать королеву в церковь. У самой ширмы стояла мистрис Фрэнсис Невилл⁹²; проходя мимо, лорд-камергер, веселый дворянин, взял ее за подбородок и спросил: «Как твои дела, хорошенькая шлюшка?». Королева видела и слышала это, так как ширму убрали. Королева вышла и поняв, что подол ее юбки отвернулся, подала мистрис Невилл знак подколоть его булавкой; та сделала это, опустившись на колени. Затем королева взяла ее за подбородок, так же, как и он, сказав: «Да помилует тебя Господь, хорошенькая шлюшка». Та же, услышав слова королевы, покраснела в изумлении, отвечая: «Госпожа, что Вы говорите?», все еще стоя на коленях и весьма озадаченная. Королева ответила: «В чем дело? Разве я сказала или сделала больше, чем лорд-камергер? И разве я не могу быть столь же дерзкой, как и он?». Та отвечала: «Милорд камергер — лег-

-
- 90 Возможно, речь шла о Магдален Браун, виконтессе Монтегю (см. примеч. 57 к первой части публикации). До своего замужества, в 1553–1557 гг. леди Магдален была фрейлиной королевы Марии I вместе с Джейн Дормер. В 1570 г. Монтегю и Дормеры породнились. См. примеч. 56-59 к первой части публикации. Герцогиня Ферия и леди Монтегю переписывались до смерти последней в 1608 г. Вполне вероятно, что Клиффорд попал на службу к герцогине благодаря посредничеству леди Монтегю. Семья Клиффордов состояла в родстве с Монтегю: глава клана, Генри Клиффорд, граф Камберленд, был женат на сестре леди Монтегю Энн Дейкр.
- 91 Уильям Ховард (1510–1573), барон Эффингэм – лорд-адмирал, дипломат и придворный, служивший при дворе Генриха VIII и всех его детей. Хотя королева Мария доверяла Ховарду, лордом-камергером свиты он стал лишь при ее сестре, в 1558 г.
- 92 Фрэнсис Невилл (1519–1599), жена сэра Эдварда Уолдгрейва (1517–1561). Супруги служили в свите Марии, еще когда та была принцессой, а во время ее правления леди Фрэнсис была дамой опочивальни и одной из самых близких к королеве аристократок.

комысленный джентльмен, и мы не принимаем во внимание то, что он говорит и делает, но Ваше Величество, от которой я, полагаю, никогда не слышала такого слова, изумляет меня, называя меня так в шутку или всерьез». Шлюха — это женщина дурного поведения. Королева поняла это: «прости меня, я не имела в виду ничего плохого».

Настолько чисты были мысли и слова этой государыни и такова была репутация семьи, и в этой целомудренной школе воспитывалась наша герцогиня. Она прекрасно усвоила свой урок и, подражая своей госпоже, по своей воле отворачивалась от всякой нечистоты и грязных слов. Я знаю, что она прямо, но сдержанно и скромно говорила знатным людям о том, какое бесчестье и горе они навлекают на себя низкими делами нечистой жизни, и открыто порицала тех, с кем состояла в дружбе. Она никогда не принимала людей дурной славы, какого бы звания они ни были. Когда ей случайно сказали, что в карете ее внука-герцога видели дам дурной репутации, она больше никогда не садилась в эту карету. Наши английские джентльмены, находясь при испанском дворе и нанеся ей визит, восхищались этой ее добродетелью и были так увлечены ее прекрасными манерами, что пожелали, чтобы она на время поселилась в родной стране, став примером для подражания нашим знатным дамам⁹³. Эта добродетель оттеняет и украшает все остальные добродетели, особенно у женщин, ибо это речь тела и толмач ума.

93 В 1604 г. было высказано предложение назначить герцогиню Ферия придворной дамой английской королевы-католички Анны Датской. В этом качестве герцогиня должна была быть неформальной посредницей между английским двором и послом Испании в Лондоне (на это должность предлагалось назначить ее сына, герцога Ферию), а также между двором и Римом (т.к. герцогиня была лично известна понтификам и состояла с ними в переписке, см. выше).

Она ненавидела ложь, и сурово отчитывала пажей и младших слуг за нее, как за страшный проступок. И если она узнавала, что слуга солгал ей, тот лишался ее благоволения, так как она почитала этот грех недостойным христианина. Она, верная и пунктуальная в своих обещаниях, советовалась о том, что обещала, а потом почитала честью и религиозным долгом исполнить это. Что же до ее способности доверять сообщениям других, то она мерила своими намерениями, придерживаясь ангельской спокойной простоты и христианской любви, хотя в делах, касавшихся чести Господней, и управления ее важнейшими делами, ее доверчивость не была столь велика, но направлялась правилами церкви Господней и направлялась осмотрительностью, так что ее нелегко было обмануть и провести.

Она немало предавалась смирению сразу по приезде в Испанию, особенно среди родственников герцога. Тогда его мать еще была жива, и она была не рада этому союзу, так как собиралась женить герцога на своей внучке, дочери графа Дона Педро, своего старшего сына⁹⁴. Но герцог стараясь избежать и предотвратить кровосмесительный брак с племянницей, женился по своей воле. Это так рассердило его мать, что она выдала внучку замуж за его младшего брата (как уже было сказано)⁹⁵ и передала тому маркизат Приего, поместья с доходом в сто тысяч дукатов в год, таким образом начав тяжбу между братьями. Однако герцогиня вела себя по отношению к свекрови с такой мягкостью и уважением, что маркиза впоследствии раскаялась в том, что сделала. Герцогиня же продолжала выказывать детям младшего брата⁹⁶

94 См. примеч. 47.

95 См. примеч. 48.

96 Педро Фернандес де Кордоба и Фигероа, маркиз Приего (1564 – 1606) и его дети от брака с Хуаной Энрикес де Рибера, дочерью герцога де Аль-

(чему я сам свидетель) любовь и уважение, как если бы ее муж не пострадал от действий их отца, и точно так же — ко всей родне, несмотря на тяжбу между ее сыном и его кузеном, наследником этого дома⁹⁷, столь милостиво она забыла нанесенные ей обиды.

Глава XIII. Рассказы о воспитании детей. Об освобождении английских пленников. О королеве Шотландской. Ее щедрость к бедным, а также к церквям и госпиталям.

Я уже рассказывал раньше о воспитании сына и о благочестивом управлении домом и семьей, однако не могу опустить упоминание о разумном способе воспитания герцогов, сына и внука, какой она использовала, чтобы те сидели за книгами и прилежно учились. Поутру они первым делом шли к мессе, что случалось до восьми часов. Затем они брались за книги, и живший в доме наставник читал им урок; прослушав его и будучи в состоянии его запомнить, они, наконец, завтракали. Затем им давали задание, за которое они отчитывались перед наставником перед обедом. Когда обед бывал приготовлен и готов к подаче, герцогиня спрашивала у наставника, сделали ли они уроки. Если да, то все было хорошо, и им доставалась награда или похвала за обязательность; если же нет, герцогиня приказывала не приносить еды и говорила им с нежным упреком: «вы не только сами не пообедаете, но и не дадите мне поесть в положенное время, так как я не должна и не стану есть, пока вы не выучите урока и не ответите выученное, как вам подобает.

кала — Алонсо Фернандес де Кордоба и Энрикес де Рибера (1588–1645), Луис Фернандес де Кордоба, Каталина Фернандес де Кордоба и Фигероа, герцогиня Кардона (1589–1646), Хуана де Кордоба, маркиза де ла Альгаба.

97 См. предыдущ. примеч.

Итак, я, ваша мать (сыну, когда он учился, или — я, ваша, бабка, внуку), старая женщина, должна быть наказана за вашу небрежность. Вы видите, как я забочусь о том, чтобы у вас было все, вам причитающееся, а мне придется попоститься из-за ваших игр и лени. Отправляйтесь учиться и сделайте все побыстрее, чтобы еда не пропала, так как нам всем придется поститься, пока вы не закончите». Это служило разумным увещанием и поощрением для них братья за книги и делать уроки вовремя.

Я уже рассказывал о рвении, с которым эта дама и ее супруг-герцог проводили время Великого Поста и в особенности Страстную неделю, и большие праздники, проявляя удивительное благочестие, смирение и любовь по отношению к бедным босоногим братьям в монастыре де ла Лапа⁹⁸, прислуживая им и кормя их. Кроме того, у знатных дам Испании в обычае посещать госпитали и собственноручно кормить больных, прислуживать им, мыть их болячки и раны, кормить и питать их с живостью и смирением, что явно происходит из подлинного и ревностного христианского благочестия, стремящегося омыwać ноги святым.

Кардинал Реймский называл нашу герцогиню новой царицей Еленой, которая щедро использовала свое имущество в помощь шотландцам, англичанам и ирландцам, и другим несчастным беглым католикам, которые спасались в Испании во имя свободы своей веры и религии. Однажды она добилась освобождения тридцати восьми англичан, пленников в Севилье, захваченных в Вест-Индии и приговоренных к смерти, а также и нескольких купцов, обвиненных в оказании им помощи кораблями и провизией для этого путешествия. Это говорил мне один из них, некий мистер Норрис,

98 См. примеч. 40.

купец из Барнстейпла в Девоншире⁹⁹, подчеркивая любовь и благосклонность герцогини к ее несчастным соотечественникам, а также, что он и его спутники были обязаны ей жизнью и свободой. В других случаях, происходивших после того, как разногласия привели к вражде между английской и испанской коронами, люди обращались к герцогине и при ее посредничестве добивались освобождения, и ее щедрой помощи в своей крайней нужде, хотя немногих из них я почитаю святыми. Однако, поскольку они бедствовали, она по доброте своей спешила им помочь. Полагаю, что сэр Ричард Хокинс из Плимута, пленник в Мадриде в последние годы правления королевы Елизаветы¹⁰⁰, признает это.

Что же касается святой (той, что, по крайней мере, умерла святой мученицей)¹⁰¹, то когда королева Шотландская, вынужденная своими мятежными подданными оставить страну, бежала в Англию, ожидая найти там убежище и помощь, согласно обещанию, она нашла там, напротив, заключение под стражу и другие утеснения, например то, что из Франции до нее не доходили ее ренты¹⁰². Узнав об этом, добрая герцогиня попросила своего мужа-герцога, который тогда был еще жив, от имени королевы, и герцог послал той двадцать тысяч дукатов, чтобы помочь в ее насущной нужде.

99 Джон Норрис из Барнстейпла, купец и мореплаватель.

100 Сэр Ричард Хокинс (1562–1622), английский адмирал, мореплаватель и пират, сын сэра Джона Хокинса. В 1594 г. был захвачен испанцами в плен у побережья современного Эквадора; в 1597 г. отправлен в Испанию, где содержался под стражей в Севилье и Мадриде. В 1602 г. отпущен и вернулся в Англию.

101 Святость Марии Стюарт в XVI–XVII вв. ассоциировалась не с прижизненным благочестием, а со страданиями за веру (заключением в Англии) и мученической кончиной (казнью).

102 Мария Стюарт получала пожизненную ренту от своих французских владений, принадлежавших ей как вдове французского короля.

Если записать подробно все ее дела во благо католических священников и джентльменов из нашей страны, которых вынудили искать убежища за границей домашние бедствия и гонения, то мне пришлось бы начать длинное повествование, и я мог бы рассказать о деталях, так как средства для ее щедрых даров приходили через мои руки. Однако, сделав так, я бы поступил вразрез с благочестивыми намерениями доброй дамы, хоть и уже покойной, которая терпеть не могла, когда такие дела перечисляют и помнят. Итак, наша добрая герцогиня сэкономила на себе, и в еде (в которой она была удивительно умеренной), и в других личных потребностях, чтобы быть в состоянии сделать больше добрых дел.

В то время, пока я служил ей, что случалось, что если какой-либо знатный джентльмен, с которым она была знакома, заболел или считался нуждающимся, она приказывала управляющему или джентльмену, отвечавшему за частные расходы ее дома, завернуть в бумагу сто, шестьдесят, пятьдесят, сорок, тридцать или двадцать крон, или сколько ей было угодно, в зависимости от нужды и состояния человека. Она брала этот сверток, клала его в карман, отправляясь к человеку с визитом. Предложив тому приветствия и благочестивые советы она, уходя и прощаясь, со словами утешения клала сверток под подушку больного. Что же касается тех, кто не был хорошо ей знаком, но нуждался, то если кто-то говорил о них герцогине, она почти никогда не отказывала, но они испытывали ее щедрость в соответствии с рангом и ее наличием у нее средств. Она была чуткой и сострадательной по отношению к знатым и образованным людям, впадшим в нужду по несчастью, жалея тех, кто был рожден и воспитан в изобилии, а потом оказался вынужденным получать помощь и пропитание из милостыни и щедрости чужих лю-

дей. Я мог бы назвать таких людей из нашей страны, а также ирландцев, испанцев и французов, которые были многим обязаны щедрости герцогини.

В ее обыкновении было давать хлеб и деньги бедным монастырям и госпиталям Мадрида, а францисканским обитателям – хлеб и яйца. Ежемесячная милостыня деньгами раздавалась у порога беднякам из рук дамы, которая ведала расходами дома. А английский священник или любой чужестранец, англичанин или другой, объявлявший себя нуждающимся, кто просил ее лично или при посредничестве ее слуг стремился получить помощь в нужде, всегда получал от нее щедрое вспомоществование. Она редко отказывалась принять англичанина, будь он даже самого низкого происхождения. Госпиталь в Мадриде получал от нее милостыню еженедельно, как уже сказано, и помощь в других потребностях, например, когда нужны были простыни и одеяла. Она содержала многих бедных вдов и сирот в поместьях герцога. По воскресеньям и праздникам она часто посылала очень хороший ужин босоногим реколетам Ордена Св. Франциска в Мадриде, так как была особенно предана этому ордену¹⁰³. Ибо она сама приняла облачение терциариев Ордена Св. Франциска¹⁰⁴, принесла обеты и, пока жила, носила под верхней одеждой тунику и скапулярий. Если наши соотечественники имели тяжбы или просьбы к испанскому двору, она, если они искали ее помощи, проявляла смелость, всячески способствуя разрешению их дел: писала о них господам

103 Конвент босоногих кларисс, основанный в Мадриде в 1559 г. сестрой Филиппа II Хуаной Австрийской.

104 Терциарии — члены существующих при нищенствующих орденах конгрегаций мирян, которые носят особую одежду и соблюдают часть орденских обетов, продолжая при этом вести светскую жизнь. Терциарии францисканского ордена (мужчины и женщины) существуют с XIII в.

Совета, посылала с ними друга или слугу, чтобы помочь в деле. Нуждающиеся всегда находили у нее помощь. Так она ежедневно совершала добрые дела.

Когда ее средства отвечали ее желаниям основывать, обеспечивать и украшать монастыри, она оказывалась одной из главных патронесс христианского мира, полностью посвятившей себя служению господу и прославлению Его вечного имени. Я слышал, как герцогиня говорила, что если при ее жизни нашему королевству посчастливится вновь допустить публичное исповедание католической религии, она со своими скромными средствами станет первой, кто построит и полностью украсит там монастырь Ордена Св. Франциска, зная общую пользу, приносимую его братьями в христианской стране. При жизни она построила монастырь Богородицы для этого ордена (Монте-Вирхине), обитель босоногих реколет и Санта-Мария в Сафре для монахинь Ордена Св. Клары¹⁰⁵. На протяжении всей жизни она не щадила средств на эти добрые дела, например, на ремонт монастыря Св. Онофрио де ла Лапа¹⁰⁶, доминиканской обители Девы Марии дель Росарио¹⁰⁷, украшения этих и других монастырей богатой утварью, дорогими полотнами, основывая там благочестивые братства. И все церкви и монастыри Сафры и всех поместий герцога вечно поминают ее.

Она также получила у Апостольского престола большие привилегии и индульгенции для их основания и процветания, и их плодами пользуется собор в Сафре и обитель Св.

105 См. примеч. 41.

106 См. примеч. 40.

107 Почитание Богородицы, связанное с молитвами розария, было тесно связано с орденом доминиканцев, поэтому большинство конвентов ордена имело церковь или часовню с таким посвящением. О какой именно церкви речь идет здесь, не вполне понятно.

Клары, старинный богатый монастырь францисканских монахинь в этом городе¹⁰⁸. Фрай Хуан Батиста Молес¹⁰⁹ говорит (в уже упоминавшейся главе своей книги): «Там две обители, одна очень старая и посвящена Св. Онуфрию¹¹⁰ и Св. Павлу, первому отшельнику¹¹¹, а другую госпожа Джейн Дормер построила в честь Св. Иоанна Евангелиста. Ее освятил дон Хуан де Рибера, епископ Бадахосский, а впоследствии архиепископ Валенсийский и патриарх Антиохийский¹¹²». В конце жизни наша герцогиня оставила монастырям все, что могла завещать, помимо домашней утвари, переходившей к герцогу, и некоторых памятных вещиц, оставленных друзьям и слугам (ибо в момент смерти ни оказалось ни одного слуги, который не получил бы от нее вещи на память или суммы денег), а также того, что было завещано бедным и на мессы на помин ее души. И даже ежегодные выплаты, причитавшиеся ее слугам, должны были после их смерти перейти конвенту Св. Марины, в котором она построила прекрасную церковь с красивой галереей, ведущей туда из герцогского дворца. А над галереей, в ее конце, возвели молельню, откуда они могли слушать мессу и видеть главный алтарь, и в этом строительстве проявились ее щедрость и благочестие.

Глава XIV. О болезни и последних днях герцогини Ферия

Сломав руку и продолжая испытывать сильную боль в груди, наша герцогиня с каждым днем слабела, и многократ-

108 См. примеч. 69.

109 См. примеч. 38.

110 См. примеч. 40.

111 Имеется в виду преподобный Павел Фивейский.

112 Св. Хуан де Рибера (1532–1611), испанский богослов, епископ Бадахосский, архиепископ и вице-король Валенсийский, титулярный патриарх Антиохийский.

но испытывала жар, так что, учитывая ее преклонный возраст и телесную немощь, врачи приказывали отворить ей кровь. Чувствуя постоянный упадок сил и здоровья, она ждала неизбежного, наизусть повторяя слова мудреца “Memorare novissima tua, et in aeternum non recessabis”¹¹³. С этой целью она прикрепил к своим четкам изображение черепа (эти четки она, умирая, вложила мне в руку, они у меня, и я их берегу). С ними она молилась и часто размышляла, выучив знаменитую фразу Св. Иеронима: «тот легко отказывается от всех вещей, кто всегда помнит, что он должен умереть». С той же целью она составила завещание и распорядилась имуществом, приняв (как было показано), покаянное облачение терциариев Св. Франциска, чтобы причаститься благодати и индульгенций этого святого ордена. Она была внесена в список de Ancillis, или служанок Богоматери, когда в конvente Св. Урсулы в Алкале¹¹⁴, принадлежавшем монахиням — францисканкам было основано сестричество или конгрегация под этим именем, посвященная «Царице ангелов»; герцогиня возрадовалась быть ancilla той, чьими молитвами и милостивым заступничеством могла получить благодать и умереть хорошо. Подобным же образом она приказала, за много месяцев до смерти, сделать гроб, в который положат ее тело, и когда с нее снимали мерку, ее женщины расчувствовались и заплакали, а герцогиня сказала: «Что вы плачете? Это должно случиться, и уже скоро. Не плачьте, а молитесь обо мне. Мы все должны умереть, важно лишь умереть хорошо и иметь добрую кончину. И я прошу вас: молитесь

113 **Sir** 7: 40: In omnibus operibus tuis memorare novissima tua et in aeternum non recessabis (**Сир.** 7:39: Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь).

114 Конвент Св. Урсулы, основанный в XVI в. каноником Гутьерре де Сетина в Алькала де Энарес, близ Мадрида.

Бога, чтобы Ему было угодно даровать мне благодать умереть хорошо».

Наша герцогиня перед смертью была прикована к постели почти двенадцать месяцев, испытывая боль во всем теле, но особенно в той руке, что была сломана, ибо хотя ее вправили, и она срослась, но оставалась слабой из-за боли в груди. Однажды она взяла на руки правнучку, единственное дитя своего внука-герцога, и когда няня взяла у нее девочку, она немного потянула руку, испытав такую сильную боль, что упала в обморок, а потом не могла поднести руку к голове или вынуть ею шпильку, и всегда носила руку подвязанной шарфом. Несмотря на эту болезнь и другие телесные страдания, проявления ее христианских добродетелей и рвение к служению Господу остались прежними. Она исповедалась и причащалась еженедельно, каждый день рядом с ней были добрые люди; и не проходило и дня без мессы. Когда слабость герцогини стала таковой, что она почти не могла вставать с постели, то по разрешению викария архиепископа Толедского (который сам приезжал оценить выбранное место), ее молельня была перемещена в другое место, так, чтобы со своей постели через коридор, который вел в ее покои, она могла видеть алтарь, слышать мессу и поклоняться Святой Жертве, в чем состояло ее истинное утешение. Она наслаждалась этим до самой смерти, и в тот самый день слушала мессу. Прежде, чем ее молельню перенесли таким образом, летом она лежала в постели на колесиках, которую во время мессы ставили у двери. Но когда началась зима, ей пришлось перебраться в теплые покои, и тогда молельню переместили, как я уже сказал.

Во время ее болезни [скончался] отец Рибаденейра (почтенный, мудрый, ученый и престарелый священник ордена

иезуитов¹¹⁵; он был членом ордена семьдесят один год, и герцогиня очень уважала и почитала его, а он отвечал Ее Милости тем же благоволением и почтительной привязанностью), которого я уже упоминал раньше. Тот знал ее еще в Англии. Она совещалась с ним обо всех важных делах, спрашивала его совета, а он почитал ее верным и добрым другом и часто навещал ее, свидетельствуя благодеяния, оказанные ею ему лично и всему ордену. Он посвятил ей (как было отмечено выше) свою книгу *De los santos estravagentes*¹¹⁶, т.е., тех, кто не был упомянут в римском бревиарии и миссале. Так случилось, говорю я, что этот добрый отец смертельно заболел в сентябре 1610 г., она же тогда тоже лежала в постели больная. Она считала отсутствие помощи со стороны дорогого ей и почитаемого отца одним из своих бедствий и часто посылала навестить его; посланником по большей части был я. Последними его словами для нее были вот эти: «заверьте герцогиню в моем почтении и скажите ей, что мы скоро увидимся в раю». Она заставила меня повторить эти слова много раз, и почитала их большим утешением. Этот святой отец покинул этот мир (я присутствовал при его смерти) 22 сентября, на семьдесят пятом году жизни, после великих трудов и путешествий, предпринятых в служении ордена, многих достойных сочинений, написанных им для просвещения христианского мира, что явствует из каталога авторов этого ордена, изданного в Антверпене.

Господу было угодно, чтобы в это время была взята из этого мира добродетельная и добрая королева Испании, скончавшаяся в Эскориале 3 октября 1611 г¹¹⁷. Когда наша

115 Педро де Рибаденейра (см. примеч. 50) скончался 22 сентября 1611 г.

116 См. примеч. 50.

117 Маргарита Австрийская (1584–1611), дочь эрцгерцога Карла Штирийского и Марии Анны Баварской, жена короля Филиппа III Испанского.

герцогиня услышала об этом, она оплакивала великую потерю для всего королевства (ибо Ее Величеству тогда не было и двадцати восьми лет), лишившую многочисленных царственных детей¹¹⁸ матери во цвете лет, и приказала немедленно одеть слуг в траур, говоря: «Всей Испании и Германии есть причина печалиться, однако она достойна лучшего царства, и эта добрая дама обрела его еще в молодые года, а я, старая развалина, все еще мучаюсь на этом одре от боли и горя». Наша герцогиня послала меня передать Resumé¹¹⁹ иезуиту — исповеднику королевы, приехавшему с ней из Германии¹²⁰, утешая его в его и общей потере. Получив это послание, он из-за слез не мог отвечать мне, но плакал, как ребенок.

В своей болезни герцогиня испытывала сильную боль, но когда к ней приходили с визитом, будь то монах, или сосед, или джентльмен из нашей страны, она принимала его с живостью и радостью, что увеличивало любовь и уважение с их стороны. Сладость ее речи была такой, что вызывала почтение и уважение во всех, кто беседовал с ней. И в этих беседах таковы были ее мягкость, серьезность и доброжелательная вежливость, что потом гости любили и почитали ее еще больше, так что к ней могут быть применены слова Св. Писания о благородной и почтенной вдове Юдифи: «И никто не укорял ее злым словом, потому что она была очень бого-

118 Королева Маргарита оставила семерых детей: Анну (1601–1666), будущую королеву Франции, Филиппа [IV] (1605–1665), Марию (1606–1646), будущую императрицу, инфантов Карла (1607–1632), Фердинанда (1609–1641), будущего кардинала и правителя Испанских Нидерландов, Маргариту (1610–1617) и Альфонсо (1611–1612).

119 Видимо, речь идет о выражениях соболезнования.

120 Рихард Халлер (1540–1612), иезуит, исповедник испанской королевы Маргариты в 1602–1611 гг.

боязненна».¹²¹ В этой болезни герцогиня проявила удивительную заботу о том, чтобы уплатить все долги прошлые и будущие, так что она выделила средства на похороны и вверила верным слугам выполнение ее завещания. Чтобы лучше прояснить все дела, она за несколько месяцев перед смертью написала счетоводу и казначею, слугам в поместьях герцога (которыми она управляла в течение многих лет, как было сказано), приказав им во имя Бога, сообщить ей каких-либо ее долгах по суду или по справедливости, а также распорядившись, чтобы они тщательно разузнали, нет ли у кого причин требовать компенсации, выслушать все жалобы и посоветовать ей, что можно исправить. Эти письма писал я. Подобным же образом, она вызвала доверенного слугу, который за несколько лет до ее смерти ведал всеми счетами и расходами в ее доме, и приказала тщательно разобраться, посмотреть и напомнить ей, нет ли у нее каких-либо обязательств, столь благочестивым и ревностным было ее желание полностью выполнить все обязательства по суду и по совести. Некоторые дела стоили ей больших денег, и не по обязанности, а от сочувствия. За три дня до смерти она жалилась над плотником, который изготовил все деревянные украшения для церкви Св. Марины, слишком дорого, жаловался, что в этой сделке понес ущерб, и подал ей прошение. Она, рассмотрев его дело, выказала милость и подписала распоряжение взыскать для него деньги. Этот человек был так благодарен, что, когда я отдал ему распоряжение, посоветовав ему в благодарность пожертвовать бедному монастырю милостыню, обещал по получении денег дать им сто дукатов. Вплоть до третьего дня до смерти герцогиня не пропускала своих обычных молитв, Часов Богородицы, роза-

121 Иудифь 8:8

рия, и ей читали житие святого того дня. Когда она по состоянию здоровья не могла уже сама читать Часы, то распорядилась, чтобы другие ей читали.

В четверг вечером, 19 января, слабость герцогини усилилась; я присутствовал во время ужина Ее Превосходительства, и она ела с аппетитом и удовольствием, а на ужин был подан фазан и желе. После того, как произнесли благодарственную молитву, она оставалась сидеть в своей постели, омыв рот и руки, как она обычно делала. Цвет ее лица был удивительно хорошим, ярким и живым, и все присутствовавшие стояли и восхищались ее неожиданной красотой, говоря друг другу: «видели ли вы лицо прекраснее? В чем причина этой перемены? Неужели Ее Милость помолодела?». Старая дама из числа собравшихся (я там был) дерзнула сказать ей: «мадам, Ваша Милость внезапно похорошела». Она только улыбнулась и ничего не ответила. Один из слуг разбирался немного в биении пульса, и в отсутствии врачей Ее Милость обычно приказывала ему пощупать ее пульс, так что незадолго до того, как она отправилась на покой в тот вечер, он пощупал пульс, а потом сказал ее женщинам, выходя из комнаты, что госпоже плохо: ее пульс был слабым, и кроме того, он почувствовал возрастание ее боли. Поэтому рано в пятницу утром он пришел узнать, как она провела ночь. Тогда он обнаружил, что биение ее пульса ухудшилось, а силы подточены. Ее Милость спросила его, что он думает о ее пульсе. Он ответил, не сразу, что пульс не так хорош, как ему хотелось бы. Она захотела узнать все подробности и приказала ему откровенно и честно высказать свое мнение. Он честно сказал ей, что думал. Она призналась, что сама думала так же, или даже хуже, что ее дух ослабел, и что ей больно говорить. Когда вскорости ее навестили врачи, они признались, что нашли ее сильно изменившейся с предыду-

шего вечера, однако утешили герцогиню, сказав, что опасность не так велика, как она вообразила. Поскольку ее слабость усилилась, как они сказали, они прописали ей пить парное козье молоко. Но сочтя все это лишь промедлением и слабыми уловками докторов и чувствуя себя в опасности она, хотя и подчинилась предписанному, но, имея страстное желание быть с Богом, отдала распоряжение принести ей из приходской церкви Святой причастие, pro Viatico¹²², и не переставая, напоминала нам, пока этого не сделали, хотя она и причащалась всего тремя или четырьмя днями ранее. Врачи предпочли бы отложить причащение, чтобы не пугать ее, говоря, что она еще не в такой опасности; однако по настоянию Ее Милости Причастие было ей принесено в субботу вечером, в девять часов. Она вкусила его с удивительной радостью и благоговением, помня и с готовностью давая ответы на все вопросы, которые задают, когда причащают в подобных случаях.

Тогда ее внук — герцог встал на колени, прося ее благословения и прощения за все неудовольствия и обиды, представляя себя и все ему принадлежащее к услугам герцогини, готовый исполнить то, что Ее Сиятельству будет угодно приказать; и с этими словами заплакал. Она приняла его предложение с любовью, хотя и не собиралась ему ничего приказывать, только вверила ему своих слуг и благословила его с добротой и материнской любовью, прибавив несколько коротких советов.

Она провела ночь почти без сна, большую часть времени в молитве и внимая монахам, находившимся рядом с ней. Ибо с того вечера и до ее кончины с ней рядом были два отца

122 Виатикум — последнее причастие умирающего.

— иезуита, четыре брата — доминиканца, один отец — доминиканец, ее капеллан, и я.

В воскресенье ее состояние ухудшилось, и она пожелала скорее таинства миропомазания, которое было совершено над ней в десять часов утра. Она приняла таинство благочестиво, выказав свою веру. Среди тех, кто был при ней, когда она соборовалась, был дон Хуан Идиакес, старый королевский советник, председатель Совета Орденов и в целом уважаемый в Испании человек¹²³. Он после того, как она соборовалась, подошел к постели, чтобы поцеловать ее руки и попрощаться. Она обратила свою речь к нему, стоявшему на коленях (ибо его нельзя было убедить подняться), множеством добрых слов и доводов вверяя его благосклонности и покровительству свой дом и внука — герцога, так что Президент был словно бы поражен, видя ее великую слабость вместе с силой ума и памятью на дела. Он пролил немало слез и, выходя из ее покоев, сказал нам: «Нужно благодарить Бога за то, что мы видим нашу госпожу, Его благоволение к ней и ее дух».

После того, как она соборовалась, в ее покои пришли слуги, чтобы просить у нее прощения и благословения. Слышны были только плач и вздохи. Она всем милостиво и благосклонно даровала свое прощения, прося всех молиться за нее. Точно так же все знатные дамы, находившиеся в Мадриде, приезжали попрощаться и попросить ее благословения. Таково было почтение к ее возрасту, примерной жизни и уважение к ее добродетели.

123 Хуан де Идиакес (1540–1614), придворный, секретарь и советник короля и Филиппа II, председатель Совета Орденов при Филиппе III.

В тот же день прибыл попрощаться родственник нашей герцогини, английский рыцарь, сэр Роберт Чемберлейн¹²⁴; главной причиной приезда в Мадрид было, как он сказал, желание поцеловать ее руку. Теперь же он, сожалея, что видит ее в состоянии, близком к концу, молил о ее благословении и просил приказать ему сослужить ей службу. Она сказала ему: «кузен, вы видите, что речь начинает мне отказывать. Но я прошу Вас оставаться непоколебимым в католической вере. Я знаю, что в Англии католики испытывают великие гонения, однако постарайтесь не утратить благ небесных в погоне за земными. Да благословит и сохранит Вас Господь». Она также приказала потом вручить ему драгоценность стоимостью в сто дукатов, которую я приобрел и отдал ему после ее смерти.

Вечером, между восемью и девятью часами она испытала припадок, такой сильный и мучительный, что мы все решили — он ее убьет. И пока она боролась с припадком, не полностью лишившись чувств, монахи вокруг нее призывали ее произнести имя Иисусово. Она не могла его произнести, но в уме своем призывала Его и вверяла себя Его Святым Страстям, держа в руке небольшое распятие, которое часто целовала и обнимала. Когда к ней вернулась речь, она дословно повторила все, что сказали ей отцы, и от себя (в твердой памяти) произнесла весь гимн *O Gloriosa Domina, Excelsa super sidera*¹²⁵, и др., и многократно повторяла:

Maria, Mater gratiae,
Mater misericordiae;
Tu nos ab hoste protégé,

124 Троюродный племянник герцогини, правнук сэра Леонарда Чемберлейна и Дороти Ньюдигейт (см. примеч. 92 к первой части публикации).

125 Богородичный гимн «О Славная владычица» (поется во время часов перед мессой).

Et hora mortis suscipe.
Cruх Christi, protégé nos;
Cruх Christi, salva nos;
Cruх Christi, defende nos¹²⁶.

Она все время говорила: «Иисус, Мария, будьте со мной, Матерь Божия, помоги мне, добрый Иисус, избавь меня от этих бедствий». И в таком состоянии, отпивая понемногу бульона для поддержания сил, она оставалась до следующего утра, принося извинения монахам, которые не отходили от нее всю ночь. И в это время, той ночью, она говорила прямо и откровенно о разных вещах со своим доверенным слугой, вверив ему милостыню для некоторых людей.

Тот день, понедельник, последний день ее жизни на этом свете, в Испании пришелся на праздник Св. Ильдефонсо, епископа Толедского¹²⁷. Она вспомнила об этом в полночь; ее память была настолько хороша, что, узнав, что уже полночь, она сказала мне: «Сейчас — день Св. Ильдефонсо, завтра, во вторник — Девы Марии Мира¹²⁸ (так его празднуют в архиепископстве Толедском), в среду — день Св. Павла¹²⁹, а в четверг, 26 января — день Св. Поликарпа¹³⁰, и в этот день мой сын умер в Неаполе¹³¹». Тот день, говорю я, был

126 Мария, мать благодатная / Мать милосердная / Защити нас от врага / И прими меня в смертный час. / Крест Христов, оборони нас, / Крест Христов, спаси нас, / Крест Христов, защити нас (лат.)

127 Св. Ильдефонс (ум. 667), архиепископ Толедский, испанский святой. День памяти — 23 января.

128 Почитание Богородицы Мира началось в XVI в. во Франции. Праздник приходится на 24 января.

129 25 января — Обращение Св. Павла.,

130 В современной католической церкви праздник св. мученика Поликарпа приходится на 23 февраля, но в XVII в. считали, что его мученичество выпадало на 26 января.

131 Герцог Ферия умер в Неаполе 27 января 1607 г., т.е., на следующий день после праздника Св. Поликарпа.

праздничным, и она позаботилась о том, чтобы все ее люди пошли к мессе. А когда она увидела священника в облачении, то спросила меня, все ли ее женщины собрались. Она слушала мессу внимательно и с большим рвением, хотя была слаба и лежала в постели. В двенадцать часов дня с ней случился такой сильный припадок, что она, казалось, полностью лишилась чувств и была при последнем издыхании, так что мы все решили, что она ушла от нас. Однако когда вскоре громко произнесли Имя Иисусово, она немного наклонила голову, оставаясь неподвижной, и оставалась в таком состоянии почти час.

Когда она пришла в себя и выпила немного бульона, молодая герцогиня, ее невестка, сказала ей, что леди Дигби¹³², жена английского посла¹³³, приезжала повидаться с Ее Милостью, но застав ее в агонии, вернулась домой. Ее Милость ответила: «я бы хотела увидеть ее». Молодая герцогиня¹³⁴ немедленно послала за той карету со словами, что Ее Милость еще жива, и если та может, пусть приезжает увидеться с ней. Леди Дигби приехала, как только услышала эти слова, со всей возможной поспешностью. Войдя в покои герцогини, она подошла к постели, а остальные присутствовавшие расступились перед ней. Казалось, что Ее Милость рада видеть даму, и после приветствий, когда одна приветствовала другую, а та сокрушалась, видя ее столь больной, наша герцогиня

132 Беатрис Дигби (урожд. Уолкотт, ум. 1658), графиня Бристоль.

133 Джон Дигби (1580–1653), граф Бристоль, английский посол в Мадриде в начале 1610-х гг. Племянник графа, сэр Кенелм Дигби, был обращенным католиком. Католичество приняли и оба его сына, а младший из них, Джон Дигби, стал священником и духовником английских бенедиктинок в Понтуазе.

134 Франсиска де Кардона и Кордоба (ум. 1623), дочь герцога Сессы, герцогиня Ферия, первая жена Гомеса Суареса де Фигероа и Кордоба, герцога Ферии, внука Джейн Дормер.

ня сказала ей следующие слова: «Госпожа, я с трудом говорю, и поручаю этому отцу сказать все то, на что у меня не хватит сил», ибо у изголовья ее постели стоял отец Кресуэлл, английский иезуит. «Вы, госпожа, прибыли сейчас в католическую страну, где вы можете видеть и учиться, если вы этого не сделаете, вина только ваша. Поверьте мне, госпожа, а я говорю это, будучи при смерти — *вне католической церкви нет спасения*, и нет истинной веры, кроме той, что исповедуют католики. И если вы, госпожа, желаете спасти душу, то позаботьтесь о самом важном». Леди Дигби отвечала: «мадам, я ничего не желаю больше, чем спасения души, как мне и подобает, и я верю, что Господь смилостивится надо мной, ибо я желаю служить Ему, согласно закону и религии, в которых я была воспитана». Ее Милость ответила: «Госпожа, желаний недостаточно, необходимо превратить их в дела, и нет добрых дел, совершаемых не по вере и учению церкви. У меня нет больше сил говорить, позаботьтесь о самом важном». И так попрощалась с ней, а жена посла обливалась слезами, видя, что герцогиня приближается к своему концу.

Когда леди Дигби уехала, слуга, стоявший у дальней стороны кровати, той, что у стены, спросил Ее Милость, как она себя чувствует, и где она была в прошедший час (имея в виду то время, что она была без сознания), сказав: мы все думали — она была на небесах. Она ответила: «Конечно, я была очень близко, зачем же вы опять позвали меня обратно?». Мне и всем остальным было большим утешением услышать эти слова. Через час она опять испытала припадок, но не такой сильный, как раньше; она оставалась в сознании и выказывала благоговение каждый раз, когда произносились имена Иисуса или Марии, наклоня голову и возводя глаза к небесам. Через некоторое время к ней вернулась речь, и тот же человек подошел к Ее Милости, предложил ей

свои услуги и спросил, чего она желала. Герцогиня ответила по-английски: «Здравия (после небольшой паузы) на небесах, что, я надеюсь, случится скоро, ибо пришла Вечерня Божьей Матери Мира, которая мирно примет мою душу сегодня вечером. Иисус, Мария будьте со мной, Иисус сладчайший, помилуй меня».

Вскоре после этого к ней привели двух правнучек, дочерей герцога, ее внука¹³⁵. Она благословила их, прося небеса за них и за себя, что уже близилось. Тогда ее силы пришли в упадок, и через примерно два часа (это время монахи вокруг нее провели в благочестивых увещаниях, молитвах и богослужениях по такому случаю), вскоре после девяти часов вечера 23 января 1612 г., спокойно, без мучений, кроме короткой агонии, она отдала Богу свою благословенную душу, чтобы жить с Ним вечно.

Глава XV. Рассказ о похоронах герцогини и связанных с ними обстоятельствах

Итак, наша добродетельная герцогиня покинула этот бренный мир, чтобы получить награду за добродетель со святыми Господа, и мы можем быть уверены, а не просто надеяться и считать вероятным, что она будем им сопричастна, принимая во внимание происходившее в минуты ее забытия. Она много месяцев страдала в чистилище еще на этом свете, вела похвальную и примерную жизнь и завершила ее, став образцом для подражания и утешением всех своих помощников, ибо когда примерно за полчаса до смерти у нее отнялся язык, ее руки и глаза выказывали ее веру и желание быть с Богом. Последним мирским делом, о каком она заго-

135 Обе дочери от первого брака герцога скончались в юном возрасте, немало пережив прабабушку.

ворила, когда уже язык начал отниматься, было обращение к служанке, поправлявшей белье в изножье кровати; той было приказано аккуратно и пристойно расправить ночное одеяние герцогини вокруг тела, несомненно, ради того, чтобы умереть пристойно и предотвратить то, что могло произойти в ходе агонии.

Итак, в октаву своего рождения (она родилась шестого февраля) наша герцогиня вернула свою чистую душу Творцу, чтобы исполнилось счастье ее, оставив позади тело, причем лицо ее было столь прекрасно, руки столь красивы и гибки, невзирая на преклонный возраст, что они казались принадлежавшими небесному созданию, а не мертвому телу. Облаченное в бедную францисканскую рясу, которую она много лет хранила для того, чтобы сделать своим внешним сава-ном (ранее — одеяние святого брата) и в доминиканском скапулярии¹³⁶, ее тело положили на соломенный матрас, оставив лицо открытым и сложив руки, словно в молитве.

Тем временем, в присутствии ее внука-герцога вызвали *teniente* города (он является судьей по гражданским делам) и писца, составившего и запечатавшего ее завещание, чтобы он сломал печать и прочитал документ публично, перед *teniente*, герцогом и другими назначенными людьми. Ибо герцогиня распорядилась, что сразу после ее кончины герцог (если он случится в городе) должен присутствовать при чтении ее завещания, чтобы утвердить его, если ему угодно, или же, если у него возникнут сомнения относительно некоторых распоряжений, обосновать свои возражения перед судьей. Когда *teniente* пришел к герцогу, который был у себя с

136 Часть монашеского облачения, длинная широкая лента с прорезью для головы, один ее конец лежит на груди, другой на спине.

маркизом де Малпика¹³⁷, графом де лос Аркос¹³⁸, доном Алонсо де Кордобой¹³⁹, доном Франсиско де Гарникой¹⁴⁰ и прочими (и я тоже там присутствовал), завещание было вскрыто и прочитано вслух писцом; все слушали внимательно, а чтение продолжалось около часа. По прочтении *teniente* спросил герцога, будет ли угодно Его Сиятельству одобрить и утвердить его? Тот ответил: «Несомненно» и затем собственноручно подписал его. *Teniente* также подписал его, сказав: «Я вижу лишь один недостаток в этом завещании, а именно, то, что оно не напечатано, чтобы другие могли из него научиться составлять завещания. Я вижу в нем доказательства и проявления великой любви, редкой мудрости, достойной добродетели и истинного христианского рвения». Так сказал судья города Мадрида. Я приведу здесь заключение к этому завещанию, обращенное вместе с последним благословением к герцогу, ее внуку, переведенное с испанского дословно:

«Вверив мою душу Господу нашему, из любви и нежнейшей привязанности, какую я питаю к герцогу, дону Гомесу, моему внуку и господину дома своего отца, я приказываю ему, чтобы он поверял все свои дела святым страхом Божиим, заботился о том, чтобы не брать греха на душу и ни в чем не нарушать Заповеди Господни. Будь щедрым в милостыне, сын мой, имей вокруг себя честных и добродетельных людей, советуйся с людьми благонамеренными и добродетельными, поступай, как подобает христианскому дворяни-

137 Франсиско де Рибера Барросо (ум. 1619), маркиз де Мальпика, по женской линии — потомок семьи Фигероа и, соответственно, родственник дома Ферия.

138 Педро Ласо де ла Вега (1567–1637), граф де лос Аркос.

139 Возможно, речь идет о Алонсо Фернандесе де Кордоба (см. примеч. 96).

140 Франсиско де Гарника, сеньор Вальдеторрес.

ну, подобно твоим предкам, управляй вассалами с любовью отца и доброго господина, сострадай бедным, благоволи добрым, карай злых и отправляй правосудие в равной мере, борись в своих поместьях с грехами и преступлениями против Господа нашего, Которого я смиренно молю во имя Его Святых Страстей, Его святой Матери, благословенной Господи нашей, а также Св. Франциска и Св. Доминика благословить тебя и со своим благословением даровать тебе Его Божественную благодать и дары, какие Он обычно жалует своим избранным. Я, твоя бабушка, любя тебя всем сердцем, больше всех в этом мире, во имя Святой Троицы благословляю тебя и в соответствии с Его святым благословением снова молю Его даровать тебе и твоим преемникам то, что послужит во славу Божью, во благо твоим душе и телу и на благо вассалов. Аминь. Молю тебя поминать меня, приказать служить мессы по моей душе и по душам твоего отца-герцога, и моего господина, а твоего деда, уже почившим».

Когда завещание было прочитано, подписано и утверждено судьей и герцогом, той же ночью были отданы распоряжения, чтобы как можно скорее выполнить предписанное, а именно, служить мессы по ее душе. Она распорядилась сразу после кончины отслужить сто месс на главных алтарях Мадрида, а также двадцать четыре Реквиема. На землях Ферия она приказала отслужить три тысячи месс и еще мессы с певчими в течение девяти дней после похорон, и на все эти мессы было отведено немало денег. Она щедро оделила мадридских бедняков и бедные монастыри города, прося молиться за ее душу. Она оставила двести дукатов беднякам города Сафры и щедрое пособие тамошним монастырям, приказав приобрести облачение для двенадцати бедняков, которые должны были сопровождать ее тело на похоронах, и дать по двенадцать реалов каждому из них. Также она щедро

одела английских картузианцев. Все ее слуги-мужчины получили траурную одежду, шляпу, сутану и плащ доброго сукна, а женщины — как им полагалось, и каждый из них получил от нее нечто на память, по их рангу и заслугам.

На следующее утро тело герцогини положили в гроб, обитый свинцом, потому что его предстояло везти в Сафру, в монастырь Св. Клары и там поместить в склеп под хором рядом с другими гробами господ этого дома. В своем завещании она распорядилась положить ее рядом с мужем-герцогом, сказав, что раз они так любили друг друга при жизни, то их телам не должно разлучаться в смерти. Сафра находится в двухстах английских милях от Мадрида, где она умерла. Вечером перед тем, как ее положили в гроб, многие приходили подивиться сладости и красоте ее лица, целовали ее руки, стоя на коленях, представляя, что она молится за них. Гроб был помещен на возвышении в большом зале дома, вокруг него расставлены факелы и восковые свечи, сверху и снизу, возвышение затянуто новым черным бархатом, таким большим, что покрывало помост выше человеческого роста и со всех сторон опускалось до пола. В той же комнате поместили два алтаря, где с шести до двенадцати часов монахи непрерывно служили мессы и пели респонсории¹⁴¹. Во второй половине дня многие приходили и молились у катафалка.

На следующий день, в три часа утра тело поместили в карету и отправили в Сафру в сопровождении ее собственных слуг и двенадцати слуг герцога (одним из них был его секретарь), ее капеллана и брата — августинца, так как она прямо распорядилась в завещании отвезти тело скромно и втайне. Путешествие заняло девять дней (мы прибыли в Сафру второго февраля) по прекрасной погоде, и было

141 Песнопение в литургии часов (официи).

настолько легким, насколько можно желать, хотя мы пересекли высокие горы, отделяющие Кастилию от Эстремадуры¹⁴² (там зимой обычно бывают бури и сильные метели; во время возвращения нас встретили холодные ветра, град и снег), и это в конце января, когда обычно не бывает такой теплой и тихой погоды. При этом вся компания была в добром согласии (хотя там были пажи, прислужники и наемники, обслуживавшие кареты и мулов, и обычно не слишком хорошего поведения), и все выполняли свои обязанности безропотно, без обид и жалоб, или малейшего недовольства. У меня были причины приписать это телу нашей доброй герцогини, которое мы везли. Той зимой, перед смертью, в ноябре и декабре, когда погода была холодной, дождливой и ветреной, она говорила мне и другим: «Если я умру сейчас, как же тяжело будет моим слугам отвезти мое тело?». На это мы отвечали: «Не беспокойтесь. То, что не доставляла хлопот при жизни, не доставит их и в смерти», и это, могу сказать, чудесным образом исполнилось. А когда мы в конце путешествия приблизились к пригородам Сафры, начался дождь, и весь город возопил: «Благословение Господне пришло», так как они страстно желали дождя и молились о нем. В ту ночь выпало достаточно, так что все всадники промокли, да и нам, ехавшим в каретах, тоже досталось.

На Сретение, между пятью и шестью часами вечера, мы прибыли в Сафру. За воротами города тело герцогини при свете факелов встречали магистраты, дворяне и главные горожане и сопроводили его в церковь Св. Марины, которую построила герцогиня, и где было похоронено тело ее кузины, госпожи Маргарет Харрингтон, сестры лорда Харрингтона¹⁴³.

142 Толедские горы (Montes de Toledo).

143 См. примеч. 292 к первой части публикации и 69 здесь.

Посередине церкви был построен помост, куда поместили гроб. Монахини пропели вечерню, а также ночную молитву *de Defunctis*¹⁴⁴, после чего все прибывшие отправились в свои комнаты в домах знатнейших горожан, принявших нас удивительно хорошо.

На следующее утро магистраты и мы, привезшие тело, встретились в доме контадора, управлявшего поместьями, и с ним в качестве главного плакальщика отправились в церковь, где отслужили торжественную мессу, а проповедь прочел брат — францисканец, премного хваливший герцогиню. Там присутствовали многие монахи разных орденов из поместий Ферия с крестами; городские священники в сутанах и каппах; мессу служил настоятель собора в роскошной каппе черного бархата, расшитой золотом, причем далматики диакона и субдиаконов были отделаны так же. Эти облачения ее сын — герцог заказал на Сицилии, вместе с покровом и утварью для шести алтарей — именно столько их в церкви Св. Клары, и это прекраснейшие и роскошнейшие украшения, используемые *pro defunctis*, какие я видел в Испании или где бы то ни было еще, и первый раз их использовали на похоронах заказавшего их герцога. И хотя дорога между двумя монастырями была короткой, они сделали три остановки, с пением респонсория, молитвой и каждением, и были возведены низкие помосты, покрытые черной тканью; на них ставили ее гроб.

Когда гроб с телом герцогини принесли в монастырь Св. Клары, его поместили на величественный постамент в хоре, а монахини пели вечерние и ночные молитвы реквиема. В тот же вечер аббатисе монастыря Св. Клары, донне Марии де Мендосе, племяннице герцога де Инфантадо, было сказано,

144 «За умерших» (лат.), т.е. заупокойную молитву.

что надлежит исполнить по завещанию герцогини, а именно, похоронить ее тело вместе с телами герцогов — ее мужа и сына, а аббатисе полагалось перед нотарием признать все условия празднования годовщин и другие ритуалы, указанные в завещании. Аббатиса и другие монахини отвечали, что сначала они должны удостовериться, что тело здесь. Ибо, говорили они, мы видим гроб, но нам нужно видеть, что в нем ее тело. Это было не так-то просто — открыть гроб, так как он был закрыт, и тело находилось в нем уже долгое время. Возник вопрос, не заподозрила ли аббатиса, что тело могли извлечь оттуда. Ибо аббатиса монастыря Св. Марины сказала мне, что она и ее монахини хотели украсть тело в ту ночь, когда оно покоилось в их обители, и положить другие предметы в гроб, заявив, что им это причитается, тело основательницы должно пребывать в ее монастыре, и неразумно лишать их святого сокровища, которое принадлежит им. Я отвечал, что ключи от гроба у нас, и если замок окажется взломанным, это заметят; что тем самым будет нарушено ее желание и завещание, и от этого произойдет большой скандал и спор, и я как один из душеприказчиков не могу допустить этого. «мы видели замок, и только это нас и остановило», сказала она.

Аббатиса монастыря Св. Клары отвечала только, что должна видеть тело, и без этого отказывалась что-либо подписывать, хотя гроб был заперт, и замок не сломан; гроб стоял на козлах, покрытый черным бархатом, закрытый с боков и с торцов, забитый позолоченными гвоздями, и во всех углах были приделаны двойные позолоченные петли. Чтобы удовлетворить любопытство монахинь, гроб был открыт, и все увидели, что через двенадцать дней после смерти лицо герцогини оставалось прекрасным, нежным и того же цвета, как при жизни, ее руки оставались мягкими, гибкими и бе-

лыми, как при жизни. Из одной ноздри вытекло немного крови, яркой, свежей и алой, словно у агнца. Стоявший там священник вытер ее носовым платком, хотя ее тело не вскрывали (она особо распорядилась в завещании, чтобы никто не прикасался к ее телу, пока женщины не облачат его в саван) и не бальзамировали с помощью специй и других составов, так что все присутствовавшие восхитились и могли бы сказать: “*Laudabilis Deus in sanctis sius*”¹⁴⁵.

На следующее утро, в субботу, 4 февраля, состоялись торжественные похороны, продолжавшиеся с шести утра до четырех пополудни. Сначала францисканки–реколеты пели ноктюрн и мессу, а затем и респонорий настолько торжественен, насколько это позволяет их устав, окропив помост святой водой и обойдя его с каждением. После них то же самое сделали доминиканцы, только более торжественно. После них — францисканцы, а их глава служил мессу. Затем — соборный причт, а служил настоятель; всенощную и мессу отслужили самым торжественным образом, а под конец мессы они пели *alternis vicibus*¹⁴⁶, пять респонсориюв, пять раз кропили помост святой водой и пять раз кадили вокруг него. Потом начали службу монахини этого монастыря, и после того, как они спели ноктюрн, отслужили торжественную мессу; после Евангельского чтения приор доминиканцев произнес проповедь. Его темой был Псалом 114, “*Convertere anima mea in requiem tuam, quia Dominus beneficit tibi. Quia erupit animam meam de morete, oculos meos a lacrymis, pedes meos a lapsu. Placebo Domino in regione vivorum*”¹⁴⁷, который

145 «Славен Господь своими святыми» (лат.)

146 «Попеременно» (лат.).

147 Пс 114:7-9 (Пс 113: 7-9 в Синодальном переводе): Пред лицом Господа трепещи, земля, пред лицом Бога Иаковлева, превращающего скалу в

он самым благочестивым и ученым образом применил к личности, жизни и смерти нашей герцогини.

После того, как служба завершилась, как и все предыдущие, гроб отнесли в крипту, где в саркофагах лежали тела кровных родственников и потомков дома Ферия. Я был одним из тех, кого назначили нести ее тело в эту крипту, и это было не унижением, но желанной почестью; гроб был помещен там, “*ut in resurrectionis Gloria inter sanctos et electos resuscitate respiret*”¹⁴⁸.

Мы оставались там пять дней, ежедневно прислуживая во время мессы в церкви Св. Клары, как было приказано в завещании Ее Милости, а на девятый день месса была особенно торжественной.

Свита герцогини, как она и распорядилась в завещании, оставалась вместе еще два месяца, и каждый слуга получал плату, как если бы она была жива, чтобы дать ему время позаботиться о себе. Немедленно после нашего возвращения были выплачены все оставленные ею деньги; и до истечения двух месяцев были выплачены средства за мессы и на другие добрые дела, а дела с ежегодными рентами улажены таким образом, чтобы не было помех будущим выплатам.

Мне должно здесь описать внешние привычки, сложение и манеры герцогини, особенно отмеченные в истории, когда она постарела. Я начал служить ей в 1603 г., на первом году правления короля Якова, а ей тогда было шестьдесят шесть лет, что в жаркой Испании считалось преклонным возрастом, и она начинала немного горбиться. Она была выше обычного роста, хорошо сложена, жизнерадостна, изящна

озеро воды и камень в источник вод. Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей.

148 Слова респонсория: «чтобы в день Воскресения возродилась со славой со святыми и избранными».

в движениях, белокожа, и все ее чувства были остры; она сохраняла зрение и слух до смертного часа. Пока она не сломала руку, она была совершенна во всем, достойна и величественна, выказывала благородство и внушала всем почтение. Я никогда не видел более красивой и достойной дамы ее возраста, и к этому надо прибавить скромность, глубокий ум, смирение и подлинное благочестие. К ней можно в самом деле применить все те похвалы, какие в Св. Писании адресованы доброй женщине.
